mysterium
Бросайте Стига Ларссона — Каллентофт лучше!
ICA-Kuriren
МОНС КАЛЛЕНТОФТ
ОСЕННИЙ ПРИЗРАК
ЯЗЫК РОМАНА КАЛЛЕНТОФТА НАПОМИНАЕТ
ПЛОТНЫЙ И ЗАМЫСЛОВАТЫЙ УЗОР НА ТКАНИ
С МНОЖЕСТВОМ ЗЛОВЕЩИХ ЧЕРНЫХ ВКРАПЛЕНИЙ.
Камилла Лэкберг
ЭКСМО

Misterium

Монс Каллентофт

Осенний призрак

«Эксмо»
2009

Каллентофт М.

Осенний призрак / М. Каллентофт — «Эксмо», 2009 — (Misterium)

Промозглой осенней ночью в родовом поместье древнего графского рода произошло кровавое убийство. Погиб Йерре Петерссон, миллионер и преуспевающий адвокат, совсем недавно купивший замок у его благородных владельцев. Йерре нашли в замковом рву с множеством ножевых ранений на теле. Раскрытие преступления поручено следственной бригаде, в которую входит и Малин Форс. Подозрение падает прежде всего на бывших владельцев поместья – ведь высокомерные аристократы никогда не скрывали, что относились к выскочке Петерссону с презрением, а замок продали в силу крайней необходимости. Могли ли граф и его дети так жестоко отомстить за свою попранную честь? В поисках ответа на этот вопрос Малин раскапывает старую семейную тайну, связывающую, казалось бы, совершенно чужих друг другу людей. И заставляет сердце холодеть от страха…

© Каллентофт М., 2009
© Эксмо, 2009

Содержание

Пролог 6
Часть 1 8
1 8
2 13
3 15
4 17
5 21
6 26
7 31
8 35
9 36
10 38
11 43
12 48
13 49
14 51
15 56
16 60
Конец ознакомительного фрагмента. 65

Монс Каллентофт
Осенний призрак

Mons Kallentoft
HÖSTOFFER
Copyright © 2009 Mons Kallentoft. First published by Natur & Kultur, Sweden.
Published by arrangement with Nordin Agency AB and Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency, Sweden

© Боченкова О.Б., перевод на русский язык, 2012
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

Разве мальчик на экране напуган?

Разве страх чувствуем мы, когда теряем что-то важное в нашей жизни?

Боялся ли я, когда они гнали меня по школьному двору, бросая вслед слова, разящие, будто выпущенные из пращи камни, жалящие, как гадюки?

Меня пугала их злоба и удары, сыпавшиеся на меня. Я не понимаю, за что меня били? Или эти удары были просто даны мне свыше? Что во мне вызывало такую злобу?

Но больше всего я страшился одиночества, того, что стоит за ударами, за оскорблениями. Тем не менее я был одинок почти всю свою жизнь. Я словно стоял под дождем в пустынном поле и ждал чего-то.

И этой осенью небо разверзлось. Город, поле, леса и люди изнывали от дождей всех мыслимых видов, когда-либо посылаемых небесами на землю.

Уже много раз заливало городские клоаки. Мертвых жуков и мышей из переполненных водой канализационных колодцев выносило в сточные канавы и на улицы Линчёпинга. И крыс, больших, как кошки, со вздутыми, разлагающимися животами, наводящих ужас на горожан. А также змеенышей, задыхающихся от нехватки воздуха, желавших больше всего на свете хотя бы один раз сменить кожу перед смертью, пожить настоящей змеиной жизнью.

И кто знает, что еще может всплыть из-под земли…

Мы, люди, словно собаки: в обществе друг друга бываем особенно одиноки. Но мы пугливей собак, потому что знаем, что наши муки имеют историю. И нам становится больно каждый раз, когда мы приближаемся к себе.

Змееныши в моей крови не перестают хныкать, не хотят оставить меня в покое. Они шипят и плюются. Их языки извиваются, касаясь внутренней стороны моей кожи.

Этим вечером мир снаружи еще темней, чем на кинопленке.

Капли дождя на стекле напоминают слезы.

Что мне делать?

Я всего лишь хочу вернуть часть того, что принадлежит мне.

Когда я думаю об отце, прежде всего вспоминаю свой страх и вижу его кулак, в любой момент готовый обрушиться на мою голову.

Обыкновенно мой отец одной рукой держал камеру, близко поднеся ее к правому глазу, а другой размахивал в воздухе, гоняя меня то в одну, то в другую сторону. В этом и состояли его безнадежные попытки навести порядок в реальной жизни, придать ей нужное направление, сделать такой, как ему хочется.

Однако кое-что было для него потеряно навсегда.

Теперь я знаю, что значит бояться. Настоящий страх всегда сопровождает чувство, что он единственное, что у тебя осталось и ничего уже не изменишь.

На экране мелькают выцветшие черно-белые кадры, снятые на пленке формата «супер-восемь»[1]. Я, мальчик, двигаюсь так порывисто и беззвучно, что только одноглазой камере под силу схватить мою неугомонность.

Жизнь на моих глазах становилась тем самым фильмом, который я вижу сейчас.

Босые, замерзшие ноги скачут по мокрой от росы траве, по холодному гравию; мяч взлетает высоко в воздух; скорчившееся тело, споткнувшись, падает в песочницу.

[1] «Супер-восемь» – формат пленки для любительской киносъемки, распространенный в 70-е годы.

Опущенные плечи выдают сломленного жизнью человека, и это передается по наследству. Я перенял твою горечь, отец, твой стыд.

Иногда мне хотелось добраться до самого сердца зла. Стоять возле его дома, под деревом, и ждать.

Что нужно этому мальчику на экране? О чем думает он в своем остановившемся настоящем?

О том, что жизнь – это смех? Вечная погоня?

А сейчас, должно быть, камеру держит мама. Я в объятьях отца, пахнущего табаком. Его руки покрыты седыми волосами, а где-то на заднем плане сияет черно-белая рождественская елка. Я плачу. Мне два года, и все мое лицо выражает растерянность. Кажется, весь я редуцировался до трех чувств: печали, беспокойства и проклятого страха.

О чем думает тот мальчик с опухшими красными щеками?

Меня целуют в лоб.

Отец носил бороду, согласно тогдашней моде, а мама смотрится забавно в своей короткой юбке. И вот я снова развеселился на несколько секунд.

Здесь, в лесу, измученном холодным колючим дождем и серым ядовитым ветром, у меня есть только одна возможность восстановиться, стать тем человеком, которым я имею право быть; тем, чья жизнь – ряд кадров, красивых, неприятных и смешных, множество пленок в белых конвертах, источающих химический запах.

Позади меня трещит проектор. Голова и плечи отбрасывают тень на край экрана, как будто мое тело хочет вползти в изображение и снова превратиться в того мальчика, чтобы на этот раз он стал таким, каким должен быть.

Куда девается любовь? Я чувствую запах табака. Я возвращался к тебе, отец, хотя ты и бил меня, потому что не мог по-другому. Может, мне следовало бы забыть о тебе и согреваться теплом другого человека?

Папа и я в парке. Я падаю, и он отворачивается в сторону. Мама убирает от меня камеру, направляя ее прямо в лицо отца, а он корчит рожи. Или он просто так выглядит?

В его лице нет любви. Только отвращение.

А потом фильм заканчивается. Все мигает. Черное и белое, черное и белое, черное и белое.

Я думаю о мальчике на кинопленке и о том, на что он был способен.

Мне известно, что таится в гноящемся чреве этой ночи, я знаю, что змеенышам надо наружу, что им не место у меня внутри, что их злые лица должны исчезнуть.

Насилие поможет мне снова стать самим собой.

Часть 1
Еще живая любовь

1

23 октября, четверг

Медленно, метр за метром, автомобиль преодолевает непогоду и ночь.

Малин кажется, что, если она немедленно не прибавит газу, машина разлетится на куски.

Дрожащие руки держат руль. За окнами черным-черно и мокро. Под порывами ветра струи дождя бьют в окно почти под прямым углом. Крупные капли мешаются с микроскопическими, ветровое стекло словно заплакано, и никаким «дворникам» не справиться с этими черными слезами.

Малин Форс чувствует биение собственного сердца и представляет его себе, такое же черное, влажное и живое, как ночь за окном. Она по-прежнему едет по лесной *дороге*, и деревья цепляются за машину холодными ветками, похожими на щупальца разъяренных доисторических животных.

Одной рукой Малин отпускает руль. Потом снижает скорость и вытирает глаза, убеждая себя, что это дождь течет по щекам. Дождь, и ничто другое.

В автомобиле душно, и ее начинает тошнить.

Но вот что-то стучит по крыше служебной «Вольво». Маленькие белые шары роятся в воздухе, потом раздается гром – и градины, размером, должно быть, с кулак, барабанят, заглушая мотор. Малин слышится голос, доносящийся до нее сквозь этот грохот: «Теперь ты сделала свой выбор, и обратного пути нет! Теперь ты сдалась!»

Ее трясет.

Перед глазами возникает лицо Янне, пляшущее на ветровом стекле. Потом Туве. Лицо пятнадцатилетней дочери Малин пугающе бледное, его контуры то теряются в темноте осенней ночи, то возникают опять. И как только Туве собирается что-то сказать, голос ее пропадает, заглушаемый стуком градин о крышу.

А потом все стихает. Остается гул мотора, и осторожные удары капель о ветровое стекло.

Мокрая одежда липнет к телу.

Огни вдоль трассы на въезде в Линчёпинг похожи на пульсирующие ночные маяки. Они приближаются, и Малин жмет на газ. «Ну, теперь мне плевать на все, – думает она. – Только бы поскорей». Она снова видит перед собой лицо Янне. Оно не выражает ни злобы, ни огорчения, только усталость. И это пугает ее.

На какое-то время всем троим показалось, что они созданы друг для друга и должны жить вместе.

Это была прекрасная мысль!

Они с Туве вернулись в дом Янне в пригороде Линчёпинга Мальмслетте в конце прошлого лета. После десяти лет развода попытались снова начать совместную жизнь. К этому их как будто подтолкнуло то сумасшедшее, жаркое лето, едва не стоившее жизни Туве, похищенной убийцей, за которой охотилась Малин.

В сентябре Малин сидела в саду возле дома, где когда-то давным-давно они так же жили все вместе, и наблюдала, как Туве и Янне пололи сорняки или убирали граблями листву возле разбитых автомобилей. Она смотрела на них и верила, что все действительно начинается снова,

что теперь есть не только желание, но и все необходимое, чтобы начать строить новые отношения.

Вероятно, это было игрой с самого начала. Они не слишком много работали, вместе готовили, ели, потом опять ели, любили, снова любили, пытались разговаривать, но говорили друг другу лишь ничего не значащие слова.

И так наступила осень.

Они водили Туве к психологу, в подростковый кабинет в университетской клинике. Она отказывалась туда идти, говорила, что ей нечего там делать. «Страх прошел, мама, – убеждала она. – Я с ним справилась. Все хорошо, и ты ни в чем не виновата».

Никто не виноват.

Но Малин знала, что все произошло из-за нее. Прошлым летом Туве оказалась втянута в ее дела, и кто же в этом виноват, если не инспектор криминальной полиции Малин Форс? Если бы не ее работа, ничего подобного никогда не случилось бы.

«Люди делают странные вещи, мама», – говорила Туве.

Малин часто хочется быть такой же рациональной, прагматичной и внешне невозмутимой, как ее дочь, так же легко ориентироваться в любой ситуации.

Разбитые автомобили в саду. Тюбики зубной пасты без крышек. Обыкновенный пакет молока, разорванный не с той стороны. Слова, брошенные в пространство и будто отскочившие от стенки без ответа и внимания. Черепица, требующая замены. Продукты, за которыми надо отправляться на машине в отвратительный супермаркет. Чувство вины и раскаяния можно заглушить повседневными заботами и тщетным стремлением стать с годами умнее. Она почувствовала знакомое раздражение, когда в начале ноября все началось опять: эта свербящая боль, любовная нежность, смешанная с жестоким пренебрежением. А в ее снах снова появился маленький мальчик, и она хотела поговорить о нем с Янне: кто он, кем он может быть? Они лежали рядом в постели, и Малин знала, что муж не спит, но язык словно парализовало, и она не могла вымолвить ни слова.

Квартиру в городе сдали в аренду студентам. Малин засиживалась в полицейском участке до позднего вечера, а Янне старался, чтобы его дежурство на пожарной станции приходилось на ее выходной. Она знала об этом, понимала его и не могла ни в чем винить.

В свободное от службы время она опять вернулась к делу Марии Мюрвалль. Малин хотела разгадать эту загадку, узнать, что же произошло с молодой женщиной, которая была изнасилована и найдена блуждающей по лесной дороге у озера Хюльтшен, а теперь сидит, немая и закрытая для любых контактов с внешним миром, в палате больницы города Вадстены.

Янне терпел все, и это раздражало еще больше.

– Делай что хочешь, Малин. Что должна.

– Тебе нет никакого дела до того, что я делаю.

– Может, тебе следовало бы отдыхать от работы, когда ты дома, с нами?

– Янне, никогда не указывай, что мне следовало бы делать!

На Рождество возник вопрос, в каком соусе лучше запекать окорок, сладком или остром? Малин сказала «все равно», а потом страшно разозлилась на Янне за то, что он не знает даже такой самой простой на свете вещи, что рождественский окорок запекается в сладком соусе.

И он кричал на нее, чтобы взяла себя в руки, чтобы хотя бы чуточку попыталась быть более сносной, нормальной. В противном случае пусть пакует вещи и отправляется в свою чертову квартиру. Янне кричал, что она может убираться к дьяволу, что вся эта затея с самого начала была идиотской, что он получил предложение поехать после Нового года в Судан вместе со Службой спасения и должен был бы ответить «да», только чтобы сбежать подальше от нее, от ее злобы и невозможного характера.

– Ты больна, Малин, понимаешь? Я не настолько глуп, чтобы не разобраться с этим чертовым окороком.

Она протянула ему стакан с текилой и колой.

А Туве сидела в нескольких метрах от них за кухонным столом, перед ней на красной хлопчатобумажной скатерти стояло новое фарфоровое блюдо из универмага «Оленс» с только что испеченным окороком.

Янне замолчал.

Малин захотелось что-нибудь крикнуть ему в ответ, но вместо этого она посмотрела на дочь.

Ее широко раскрытые синие глаза выражали страх и недоумение: «Так это и значит «любить»? Спасите меня от любви в таком случае».

Малин замечает, как светлеет небо, когда начинается город.

Движение сейчас не особенно оживленное.

Она вспоминает, есть ли у нее дома что-нибудь сухое, во что можно было бы переодеться, и понимает, что нет. Разве в каком-нибудь из ящиков на чердаке, вся остальная одежда в доме Янне.

Мимо нее проезжает черный автомобиль, какой именно, не видно из-за тумана, но водитель торопится, ведет со скоростью почти вдвое большей, чем она.

Дождь зарядил снова, и только что нападавшие листья, оранжевые и отливающие золотом, дрожат, прилипшие к автомобильным стеклам, мерцают у нее перед глазами, словно тропические жуки или искры адского пламени, вызывающие своим танцем все зло из города и его окрестностей.

А где-то внутри до сих пор эхом отдаются дурацкие оправдания Янне.

Все что угодно, только не еще одно такое Рождество. Это она себе пообещала.

– Мне надо ехать, – сказал Янне.

Они снова заговорили об этом в день праздника. У Малин было похмелье. Не в силах возражать, она сидела, охваченная тихой злобой и отчаянием оттого, что в очередной раз все вышло так, как всегда.

– Я нужен там. Я не смогу жить, если отвечу «нет». Им требуется мой опыт для быстрой постройки туалетов в лагерях для беженцев, иначе тысячи людей вымрут, как мухи. Ты когда-нибудь видела умирающего от холеры ребенка, Малин? А?

Уже тогда ей захотелось влепить ему оплеуху.

Последний раз они любили друг друга в ночь накануне его отъезда. Жестко, без тепла.

Малин вспоминала крепкое тело Даниэля Хёгфельдта, журналиста, с которым время от времени занималась сексом, и царапала Янне спину, кусала его за грудь, чувствуя металлический привкус крови, а он не сопротивлялся, делая вид, что истязания доставляют ему удовольствие. В ту ночь он был для нее крепкой эрегированной плотью.

Янне вернулся домой через месяц. Она была вся в работе, занималась делом Марии Мюрвалль, а выходные проводила в беседах с коллегами из полиции города Муталы, расследовавшими этот случай.

Туве существовала где-то рядом. И случилось то, что случилось.

– Она никогда не бывает дома. Ты заметила? – спросил Янне в один из апрельских вечеров, когда у них у обоих был выходной, а Туве поехала в город, в кино.

Но Малин не обращала на это внимания, да и где ей было это заметить, если она сама редко бывала дома.

Они говорили о том, что нужно сходить в семейную консультацию или к психотерапевту. Много раз Малин стояла с телефонной трубкой в руке, собираясь позвонить доктору Вивеке Крафурд, обещавшей ей бесплатный прием. Но язык словно парализовало.

Весной Форс снова наблюдала, как они работали вместе, отец и дочь, но сама она присутствовала с ними только телесно, мысли ее были заняты разбором запутанного случая убийства во имя чести.

– Как, черт возьми, отец мог приказать сыну убить свою собственную дочь и его родную сестру? Янне, ты мне можешь сказать?

– Ты не пьешь текилу сегодня вечером.

– Ненавижу, когда ты читаешь мне наставления. Тогда возникает чувство, будто я твоя собственность.

Линчёпинг охвачен ледяным дождем.

Собственно говоря, что такое этот город, если не куколка, в которой, словно личинка, созревает человеческая мечта? Бок о бок пробираются люди вперед по жизни в пятом городе королевства. Они смотрят друг на друга, судят, пытаются любить, несмотря на все свои предубеждения. «Люди в Линчёпинге хотят как лучше, – думает Малин. – Но когда существование большинства сводится к постоянной борьбе за то, чтобы сохранить работу и раздобыть денег до конца месяца, в то время как меньшинство имеет все в изобилии, вряд ли имеет смысл говорить о сплоченности». Люди в городе живут бок о бок, отделенные друг от друга только невидимыми линиями, разделяющими районы на карте. Из-за оград роскошных вилл можно докричаться до кварталов, построенных по программе «Миллион»[2], и услышать ответ с убогих балконов.

«Осень – пора распада, – думает Малин. – Вся вселенная будто разлагается, ожидая зимы. В то же время осень имеет цвет пламени. Но это холодный огонь, которым в пору любоваться разве что пресмыкающимся. В красоте осени, в пламени ее листвы нет ничего, кроме обещания еще худшего».

Руки больше не дрожат на руле. Она замерзла и промокла.

«У меня крепкое тело, – замечает про себя Малин. – Я могу наплевать на все, только не на тренировки в спортзале. Я сильная, чертовски сильная. Я – Малин Форс».

Она проезжает мимо старого кладбища.

Отражение башни собора на ветровом стекле похоже на копье средневекового рыцаря, готовое пронзить ее.

Что же произошло сегодня вечером?

Какие слова были сказаны?

Какое движение бровей, какое изменение голоса дало повод начать все сначала?

Она не помнит, она пила. Не то чтобы сильно, но в любом случае слишком много для того, чтобы сейчас вести машину.

Она пьяна? Адреналин разогнал хмель. «Я не совсем трезвая. Надеюсь, коллеги из дорожного патруля не вышли на улицы сегодня вечером».

«Свинья. Тупая, трусливая свинья, – говорит себе Малин. – Успокойся, прекрати, черт возьми, не пей больше, не пей». Так я ударила его? Я ударила тебя на кухне, Янне, или только стояла с поднятым кулаком, проклиная твое чертово терпение?

Я размахивала в воздухе руками. Я помню это сейчас, когда останавливаю машину у ворот моего дома по улице Огатан.

---

[2] Программа «Миллион» (*шв.* Miljonprogrammet) – принята риксдагом в 1965 году в целях преодоления жилищного кризиса. Предусматривала строительство в короткий срок миллиона многоквартирных домов.

Часы на церкви Святого Лаврентия словно окутаны прозрачным туманом. Без четверти одиннадцать. Размытые силуэты ворон вырисовываются на фоне неба.

На улицах ни души. Я не хочу ни о чем думать сегодня вечером и ночью. Возле темно-серой церковной стены на мокрой траве лежат огромные кучи листьев. В темноте они кажутся покрытыми ржавчиной, готовыми расстаться со своей прекрасной расцветкой и дать миллионам червей, выползающих из размытой дождями почвы, поглотить себя.

Ты отпрянул назад, Янне, ты увернулся с таким видом, словно тебе раньше приходилось принимать удары посильней моего. И я закричала, что я уезжаю, я уезжаю немедленно и больше никогда не вернусь.

Ты не можешь вести машину в таком состоянии, Малин, – и ты попытался отобрать у меня ключи. Туве была там, она спала на диване перед телевизором, но вдруг проснулась и закричала: *ты прекрасно понимаешь, мама, что нельзя садиться за руль в таком состоянии!*

Успокойся, Малин, иди сюда, дай мне обнять тебя. И я ударила снова и снова, но там, где должен был находиться ты, никого не было, и я просто махала руками в воздухе.

Я спросила тебя, Туве, просто так, для порядка, не хочешь ли ты поехать со мной. Но ты покачала головой.

А ты, Янне, не стал мне мешать. Ты только посмотрел на кухонные часы.

А я помчалась к машине. Я вела ее сквозь самый темный из осенних вечеров, пока не остановилась.

Сейчас я открываю дверь. Черные щупальца разрывают серое небо. А из открытых отверстий, откуда должен просачиваться звездный свет, зияет страх. Я ступаю на мокрый асфальт.

Мне тридцать пять лет.

И к чему я пришла?

2

23 и 24 октября, четверг и пятница

Ключ в замке.

Малин вертит им туда-сюда, руки не слушаются, хотя давно уже перестали дрожать.

Мимо.

В цель.

Мимо.

Как и во всем остальном.

Квартиру освободили на прошлой неделе. Малин говорила Янне, что хочет сдавать ее снова очередным студентам – будущим священникам-евангелистам. И вот вчерашний взрыв. Неизбежный, долгожданный, откладываемый, насколько это было возможно.

Малин входит в квартиру, стряхивая дождевые капли со светлых волос, стриженных «под мальчика». В помещении стоит запах сырости и ароматизированного лимоном средства для мытья посуды. Здесь чувствуется осень, которая просочилась сквозь щели в оконной раме и разлилась по стенам, полу и потолку.

Малин дрожит. Надо бы добавить тепла в батареях.

Сейчас ее охватывает новое чувство – одиночество.

А в квартире как будто что-то изменилось.

Мебель на месте.

Часы из магазина «Икеа» на кухне все такие же старые. Секундная стрелка отвалилась.

Малин стоит в гостиной и хочет зажечь лампу, но никак не решается нажать на кнопку. Лучше опуститься на диван в этом уютном полумраке, принадлежащем только ей.

В этом году Туве исполнилось пятнадцать. Она по-прежнему любит читать и учится лучше всех в классе. Но происшедшее наложило на нее суровый отпечаток, как будто игра закончилась, началась жизнь всерьез, и время уже подтачивает изнутри ее силы.

Ты слишком молода для этого, Туве.

За год она сменила нескольких парней. Привет, привет, Петер. Привет, Вигго.

Осмелюсь ли я отпустить ее? Но она не должна страдать из-за моего чувства вины, и потом, кажется, с ней все в порядке. Малин видит это по своей дочери: по блеску в ее глазах, по тому, как ее подростковое тело постепенно превращается в женское. *«Занимайся собой, Туве. Тебе не следует обзаводиться ребенком еще много лет»,* – вот что хотела бы посоветовать Малин дочери. Однако это пожелание до сих пор осталось невысказанным.

Посвяти себя школе.

«Скоро мне выступать с лекцией перед учениками», – вспоминает Малин. Сама мысль о том, что ей придется талдычить что-то усталым, ко всему безразличным подросткам, наводит на нее тоску, и Форс отгоняет ее прочь.

Потом она ложится на диван. Чувствует, как мокрая одежда липнет к телу, из которого теперь окончательно выветрилась текила.

Квартира как будто все еще пропитана фарисейским лицемерием студентов-евангелистов, при этих воспоминаниях Малин начинает тошнить.

«Я хотела попросить у Янне прощения, но не знала, с чего начать. А Туве? Как я объяснюсь перед тобой? Сможешь ли ты понять?

Что я, собственно, знаю сейчас о твоей жизни, Туве? Не более того, что эта квартира – твой дом, что ты можешь переехать сюда, ко мне. Остальное нереально.

Твои книги у Янне.

В этом году я тысячу раз пыталась сесть с тобой рядом на диван или на твою постель и расспросить тебя о том, как ты себя чувствуешь. И единственное, что я слышала от тебя: «Я чувствую себя хорошо», а потом почти беззвучное: «Оставь меня в покое, мама».

Что мне нужно от тебя, Туве? Твое прощение? Или услышать от тебя, что все хорошо? Может ли теперь быть хорошо? Она, убийца, прижимала тебя к полу за шею своими окровавленными руками и хотела задушить тебя.

И я была режиссером этой сцены».

Существует тысяча самых кошмарных разновидностей дождя. Капли бывают всех мыслимых расцветок, даже ночью. Они могут перенять цвет меди у осенней листвы, и тогда в свете уличных фонарей дождь превратится в странный поток искр, похожих на летающих тараканов.

Малин опускается на пол в гостиной. Видит, как проносятся в воздухе красные, оранжевые и желтые тараканы, слышит, как щелкают их челюсти. И она прогоняет их прочь, охотится на них с огнеметом, чувствует запах их горелых тел, прежде чем они успевают исчезнуть из ее поля зрения.

Там, за окном, самая обычная реальность. Облака. Вот уже которую неделю над головой всевозможные оттенки серого цвета без малейшего проблеска синевы. Побиты все рекорды продолжительности дождей, и метеорологи с телевидения вспоминают Всемирный потоп.

Глубоко в шкафу над микроволновой печью Малин отыскала бутылку. Она знала, что добропорядочные евангелисты не станут к ней прикасаться, поэтому и оставила ее, сознательно или бессознательно, чтобы использовать, когда придет время.

Она пьет прямо из горлышка, и не имеет значения, будет ли завтра похмелье.

Осень выдалась спокойной. Малин вспоминает прошлое лето, когда она расследовала убийство девочки-иммигрантки, спланированное и осуществленное ее отцом и братом. У жертвы был парень-швед, и этого оказалось достаточно.

Подонки.

Может, даже лучше, если будет похмелье. Всеми делами можно будет заняться завтра. Забрать у Янне вещи. Он не дежурит? Не хотелось бы встречаться с ним.

«Я пьяна, – думает Малин. – И это прекрасно».

3

«Мама, ты такая злая», – думает Туве, натягивая одеяло на голову и слушая, как дождь стучит по крыше, настойчиво и отчаянно, как будто некий нетерпеливый бог там, наверху, барабанит миллионами длинных пальцев.

Здесь деревенский воздух. Туве только что разглядывала тряпичные коврики на полу. Они похожи на приплюснутых змей, их шкуры испещрены пестрыми черно-белыми иероглифами, которые никто никогда не прочитает.

«Я знаю, мама, – думает Туве, – ты винишь себя за то, что произошло прошлым летом, и думаешь, что я все еще страдаю от последствий. Но мне не нужен никакой психолог. Я совсем не хочу болтать об этом с какой-то тетей. Лучше я зайду на форум, на trauma.com, и обо всем там напишу по-английски. Во всяком случае, мне станет легче, когда я сама прочитаю свои неуклюжие слова о том, что случилось и как мне было страшно. Слова снимают страх, мама. Свои зрительные воспоминания я до сих пор ношу в себе, но они ничего не могут мне сделать.

Ты должна смотреть вперед, мама. Ты, думаешь, я не видела, как ты пьешь? Не знаю, что ты прячешь в доме бутылки, не чувствую запаха спирта, заглушаемого жевательной резинкой? Или ты считаешь меня глупой?»

Они с Янне остались сидеть за столом на кухне, когда разозлившаяся Малин побежала к машине. Янне сказал:

– Надеюсь, она не разобьется насмерть. Или все-таки позвонить в полицию? А может, мне поехать за ней? Как ты думаешь, Туве?

Она не знала, что ответить. Больше всего на свете Туве хотела, чтобы мама вернулась и снова вбежала бы на кухню, веселая как никогда. Но такое бывает только в плохих книгах и фильмах.

– Я не знаю, – ответила Туве. – Понятия не имею.

Она почувствовала боль в животе, где-то под самой грудью. Спазм, который никак не хотел отпускать. Янне сделал бутерброды и сказал, что все устроится, только маме надо успокоиться.

– Ты не поедешь за ней?

Он посмотрел на нее и покачал головой в ответ.

А потом боль из живота переместилась в сердце, голову и глаза, но Туве сдержала слезы.

– Можешь поплакать, – сказал Янне, сел рядом и обнял ее. – Это печально и никому не нужно. Лично я не собираюсь сдерживать слезы.

«Чем я могу помочь тебе, мама? Что бы я ни говорила тебе, ты меня не слушаешь. Не хочешь слушать. Как будто находишься в мутной осенней реке, уносящей тебя в темноту.

Я вижу тебя на кухне по утрам, когда ты собираешься на работу, на диване перед телевизором или со всеми твоими бумагами о той Марии.

И мне хочется спросить тебя о самочувствии, потому что я вижу, что тебе плохо. Но я боюсь разозлить тебя. Ты такая замкнутая, мама. И я не знаю, как к тебе подойти.

У меня так много всего другого, о чем мне больше нравится думать: школа, книги, мои приятели. Это так весело, и я чувствую, что все только начинается».

Туве откидывает одеяло и оглядывает комнату.

«Боль в животе и сердце еще не прошла. Но я привыкла к тому, что вы с папой не живете вместе. И скандалов больше не будет, потому что я не думаю, что ты вернешься сюда, и я не уверена, что хочу сейчас жить с тобой».

Ворона смотрит в окно, стучит в стекло, а потом исчезает в ночи.

В комнате темно.

«Я справлюсь, – повторяет про себя Туве, – я справлюсь».

Янне лежит в постели, его ночник горит. Он читает брошюру Министерства обороны Великобритании. Речь в ней идет о постройке туалетов, и Янне мысленно переносится в Боснию, Руанду и Судан, где он последний раз занимался обустройством отхожих мест в лагерях для беженцев. Он хочет, чтобы воспоминания о работе в Службе спасения помогли ему отвлечься от того, что случилось вчера и что еще должно произойти. Но черно-белые картины из его памяти, образы людей в бедственном положении из самых отдаленных уголков планеты неумолимо заслоняет болезненно опухшее лицо Малин.

Много раз он пытался поговорить с ней, но она уклонялась. Ругала его за то, что он вылил содержимое забытой ею бутылки. Кричала, что все это не имеет смысла, поскольку у нее припрятано еще десять бутылок в таких местах, где он их никогда не найдет.

Он умолял ее встретиться с психологом, психотерапевтом, хоть с кем-нибудь. Даже поговорил с ее начальником, Свеном Шёманом. Рассказал ему, что Малин пьет все больше, хотя, может быть, на работе это и незаметно, просил предпринять что-нибудь и получил в ответ обещание, что что-нибудь будет сделано непременно. Это было в августе, однако до сих пор все остается по-прежнему.

Конечно, Малин сердится – прежде всего на саму себя – за то, что произошло с Туве. Она никак не хочет понять, что в этом не было ее ошибки, что зло есть, и было всегда и везде, и каждый может оказаться у него на пути.

Словно вся ее настойчивость вдруг повернула не в то русло, и она твердо решила опуститься на самое дно.

А вчера она меня ударила. Она никогда не делала этого раньше.

Копать глубоко. Dig deep.

Regular check ups. Bacteria sanitation[3].

Янне бросает брошюру в дальний угол комнаты и выключает свет.

«Все-таки надо быть идиотом, – думает он, – чтобы поверить в то, что это кошмарное событие могло подтолкнуть нас к совместной жизни, сделать из нас семью. Как будто зло может помочь доброму делу. Чушь!»

Он смотрит на ту половину постели, где спала Малин. Протягивает руку, но там никого нет.

[3] Регулярные проверки. Антибактериальная санобработка (*англ.*).

4

Уже рассвело, а сна ни в одном глазу.

Аксель Фогельшё вот-вот поднимется с кожаного кресла. Но не раньше, чем помнет пальцами истертую до блеска поверхность подлокотников и затушит сигарету в пепельнице на обитом кожей сайдборде. Он встает, ощущая свое мощное, все еще полное жизни семидесятилетнее тело, втягивает живот, чувствуя необыкновенный прилив сил, как будто там, за дверью, стоит враг, которого он должен поразить из одной из своих охотничьих винтовок, что спрятаны в оружейном сейфе в спальне.

Аксель Фогельшё стоит у окна в гостиной, смотрит на просыпающийся за окнами Линчёпинг и представляет себе его жителей, нежащихся в постелях, всех этих людей с их разными биографиями и возможностями. Тот, кто говорит о всеобщем равенстве, совершенно не понимает, о чем болтает.

За окном раскачиваются на ветру кроны деревьев ботанического сада. Дождь сейчас небольшой и никакого наводнения, поднимающего на поверхность крыс из канализации, что уже не раз бывало этой осенью. Добропорядочные обыватели среднего класса приходили в ужас при виде бестий, роящихся в подземельях Линчёпинга, как будто отказывались признавать существование крыс под своими благополучными ногами. Отвратительных тварей с голыми хвостами и острыми, как бритвы, зубами, которые долго еще будут жить в этом городе, даже после того как в нем не останется ни одного обывателя.

Когда же он последний раз спал до утра, не просыпаясь? Это было давно. Теперь он встает за ночь по три раза и каждый раз стоит в туалете минут по пять, прежде чем ему удается хоть немного облегчиться.

Но он не жалуется. Существуют куда более мучительные болезни.

Просыпаясь ночью, Аксель скучает по Беттине. Кровать, на которой он привык видеть очертания ее тела, чувствовать тепло ее дыхания, теперь пуста. Какое счастье, что она не дожила до этой катастрофы, до того дня, когда Скугсо перешел в чужие руки.

В такое утро замок, должно быть, особенно красив.

Аксель Фогельшё представляет, что стоит прямо перед ним на лесной поляне. В песочного цвета каменных стенах XVII века, будто поднимающихся из тумана, больше жизни, чем в окружающей их природе.

В течение веков замок Скугсо достраивался и перестраивался по прихоти его предков. Медная крыша горит, даже когда небо затянуто низкими облаками. А старые бойницы и недавно обновленные решетчатые окна похожи на бесчисленные глаза. Аксель Фогельшё постоянно чувствует на себе их взгляд, они словно глядят на него из далекого исторического прошлого и сравнивают его с прежними владельцами замка. Рядом с ними современные окна кажутся слепыми. Им как будто не хватает чего-то, что давно утеряно.

Со своей воображаемой точки наблюдения Фогельшё не может видеть часовни, находящейся с другой стороны замка. Беттины там нет: она захотела, чтобы ее прах развеяли в лесу, в северной части их владений.

Иногда Аксель слышит голоса призраков. А может, это рыбы, плещущиеся в черной воде замкового рва, не дают покоя душам замурованных русских солдат?

Он смотрит на портрет графа Эрика Фогельшё. Разбойник времен Тридцатилетней войны[4], фаворит Густава II Адольфа[5] и жесточайший из его воинов. Говорят, в карательной

[4] Тридцатилетняя война (1618–1648) – один из первых общеевропейских военных конфликтов. Началась как религиозное столкновение между протестантами и католиками Германии.

[5] Густав II Адольф (1594–1632) – король Швеции (1611–1632). Участвовал в Тридцатилетней войне, был убит в битве

операции после битвы при Лютцене он лично искалечил за день двадцать человек. «Я всегда чувствовал его кровь в своих жилах», – думает Аксель Фогельшё.

В молодости Аксель хотел податься в войска ООН, но ему запретил отец, полковник, сочувствовавший Германии, разъезжавший в тридцатые годы по Пруссии и заискивавший перед одетыми в черную форму союзниками. Вплоть до середины сороковых он верил в их победу.

А что теперь?

Граф Эрик Фогельшё, должно быть, перевернулся от стыда в семейной усыпальнице в часовне замка Скугсо. А может, его труп мечется там, в гробу, и кричит, не в силах сдержать праведного гнева.

Но была бы еще возможность все вернуть, если б не этот чертов щеголь, пострел, что приполз сюда из Стокгольма, словно безногая ящерица.

Аксель Фогельшё снова смотрит на парк. Бывало, осенью ему виделся человек где-то под деревьями, пристально глядевший в сторону его окна.

Иногда ему казалось, что это Беттина.

Он разговаривает с нею каждый день, с тех пор как она умерла три года назад. Иногда выезжает в лес, где развеял ее прах, бродит там, независимо от времени года. Совсем недавно он ступал по разлагающейся огненно-желтой листве, болотистая почва дрожала под ногами, а его глухой голос эхом раздавался между деревьями, которые, казалось, висели в воздухе, лишенные корней.

Беттина, ты здесь? Я никогда не думал, что ты уйдешь первой. Я скучаю по тебе, ты знаешь это. Я думаю, никто, даже дети, не представляет, как я люблю тебя.

И ты отвечаешь. Я слышу, как ты говоришь мне, что я должен быть сильным, чтобы не выставлять напоказ свои чувства. «Ты ведь видишь, что бывает, когда человек сдается, Аксель», – шепчет ветер, а ведь он – твой голос, твое дыхание у моей шеи.

Беттина.

Моя прекрасная датчанка. Хорошо воспитанная и в то же время неотесанная. Первый раз я увидел тебя летом пятьдесят восьмого, когда служил мастером в имении Мадсборг в Ютландии[6], где набирался опыта в сельском хозяйстве.

Самая обыкновенная девушка, ты все лето проработала на кухне. Иногда мы купались в озере. Я не помню его названия, но оно находилось на территории имения. А когда лето закончилось, я вернулся с тобой домой. Отец и мать сомневались поначалу в моем выборе, но потом отступили перед твоим шармом. Твоя жизнерадостность покорила Скугсо.

Как же ты могла, Беттина? Как посмела ты сдаться своей болезни, раку? Или тебя печалило, что наших доходов больше недостаточно, чтобы поддерживать замок в подобающем состоянии? Для этого требовалось слишком много денег, миллионы.

Я не хочу верить в это. Но я чувствую вину, как человек, причинивший зло тому, кого любит больше всего на свете.

Боль. Ты, похоже, узнала о боли все, и ты говорила мне, что в этом знании нет никакого смысла.

Картины на стенах замка – твой выбор. Анчер[7], Киркеби[8]. Портреты моего предка Эрика и других чудаков, оригиналов и безумцев, что жили в Скугсо до меня.

при Лютцене 6 ноября 1632 г.

[6] Ютландия – датско-германский полуостров, омываемый Балтийским и Северным морями.

[7] Анчер, Исаак (1899–1992) – французский живописец.

[8] Киркеби, Пер (род. 1938) – датский художник, скульптор, писатель и архитектор.

Ты умерла в замке, Беттина. Ведь тебе было бы невыносимо покинуть его, и потому мне сейчас стыдно перед тобой. Какой мягкой ты могла быть, с такой же жесткостью защищала то, что принадлежало тебе.

Больше всего ты беспокоилась о мальчике.

«Позаботься о Фредрике. Защити его, сам он не справится», – вот о чем просила ты, умирая.

Иногда я спрашиваю себя, не подслушивал ли он тогда под дверью?

Никогда не знаешь, чего от него ожидать. Или, может, не хочешь знать? Я, как и все, люблю и свою дочь, и его, своего сына. Но я всегда замечал его слабости, даже когда не хотел. Я был готов протереть себе глаза до дыр, только бы разглядеть его достоинства, но это у меня никак не получалось.

Я видел своего собственного сына, сплошь состоящего из одних недостатков, и ненавидел себя за это. Иногда он даже напивается так, что теряет над собой контроль.

Часы на шкафу бьют шесть, а Аксель Фогельшё все еще стоит у окна в гостиной. Вот что-то отделяется от темноты снаружи и движется через парк. Человек в черном. Тот, которого он видел и раньше?

Аксель Фогельшё прогоняет эту мысль прочь.

«Я знал, что это ошибка, – думает он. – Тем не менее я был вынужден сделать это: возложить на Фредрика, моего первенца, следующего графа Фогельшё, руководство делами, дать ему доступ к капиталу, когда рак победил Беттину и я окончательно пал духом. Он никогда не хотел ни жить в замке, ни заботиться о нашем маленьком сельскохозяйственном и лесном предприятии. Сейчас выгоднее взять дотацию на обработку целины или арендовать земли.

Не хотел. Не мог. Но с деньгами у него должно было получиться, ведь у него высшее экономическое образование и было все, кроме неограниченной свободы действий.

У каждого человека есть и хорошие, и дурные стороны, – думает Аксель Фогельшё. – И не в каждом сидит хищник, и не у каждого столько наглости, сколько требуется для этой жизни. Отец хотел, чтобы я осознавал ответственность, которая дается вместе с привилегиями, понимал, что в обществе нам предназначена роль лидеров. Но он был в некотором смысле человеком былых времен. Разумеется, я руководил работами в Скугсо, я снискал себе уважение в элитарных кругах лена[9]. Но чтобы лидером? Нет. Я пытался объяснить Фредрику и Катарине, по крайней мере, что значат наши привилегии, не хотел, чтобы они принимали их как должное. Не знаю, преуспел ли я в этом.

Беттина, посоветуй, как мне сделать Катарину счастливой? Только не начинай опять про свои древности. Здесь мы с тобой не сойдемся, ты это знаешь.

Молчи, Беттина.

Молчи.

Позволь мне только задать тебе один вопрос.

Испортилась ли наша с тобой порода, Беттина?»

Иногда он думает об этом, глядя на Фредрика, а может, и на Катарину.

Зеленое пальто от «Барбур»[10] обтягивает живот Акселя Фогельшё. Но он носит его вот уже двадцать пять лет и не желает менять на новое только потому, что теперь килограммы пристают к телу легче, чем раньше.

«Пусть все идет своим чередом, – думает он, стоя в прихожей. – Мы, Фогельшё, придерживались более-менее определенного образа жизни на протяжении почти пяти столетий. Мы задавали тон в этих краях, в этом городе».

---

[9] Лен – административно-территориальная единица Швеции.

[10] «Барбур» (англ. Barbour) – известный британский бренд одежды.

Он прекрасно знает, что местные жители всегда подражали ему и его семье. Первый в Эстергётланде ватерклозет появился в Скугсо. А его дед был первым, кто надел костюм-тройку. Они во всем задавали тон, и это понимала и политическая, и экономическая власть, даже если теперь все это стало историей.

В этом году не пришло приглашения на губернаторский обед. Каждый раз, когда губернатор устраивал обед для самых видных жителей лена, среди гостей был кто-нибудь из семьи Фогельшё. Но не в этом году.

Аксель Фогельшё разглядывает снимок Линчёпингского замка в газете «Эстергёта корреспондентен». Там был граф Дуглас, историк Дик Харрисон, директор авиастроительных предприятий «Сааба», шеф отдела информации компании «Вольво», государственный секретарь – уроженец этого города, директор больницы, главный редактор местной газеты, президент национальной спортивной конфедерации, барон Адельстоль. И никого из Фогельшё.

Он обувает свои черные резиновые сапоги.

Я иду, Беттина.

Перчатки. Что за восхитительная телячья кожа!

Аксель Фогельшё думает, что еще не поздно все поправить.

Он слышит голос Беттины: «Защити мальчика!»

«Я защищал Фредрика. Сделал все, что было необходимо, несмотря на то что теоретически банк мог бы взять ответственность на себя».

Он начинает забывать лицо Беттины.

«Ради мальчика я должен был наплевать на все остальное», – думает Аксель Фогельшё, нажимая кнопку лифта, чтобы спуститься вниз и выйти в безлюдные утренние сумерки.

5

Мотор «Рендж Ровера» гудит мощно и в то же время ненавязчиво, как никакой другой. Автомобиль немедленно реагирует, когда Йерри Петерссон нажимает педаль. Вероятно, такими же послушными были раньше лошади, когда графы, теперь уже давно умершие, вонзали шпоры в их потные бока.

Лошадей теперь нет, как и графов. Но он готов купить несколько лошадей, если встретит женщину, любящую животных. Говорят, это свойственно женщинам, и это одно из тех предубеждений, соответствующих действительности.

Йерри Петерссон видит, как клубы тумана несутся над полями на восток, к краю хвойного леса. Собака сидит рядом с ним на пассажирском сиденье. Ее прекрасно сбалансированное тело покачивается в такт автомобильным рессорам, в то время как взгляд блуждает по окрестностям, высматривая какое-нибудь живое существо, чтобы побежать за ним, облаять, загнать в ловушку. Йерри Петерссон проводит одной рукой по ее жесткой, влажной шерсти. От собаки исходит природный, настоящий запах, так гармонирующий с этой сельской местностью. Своего кобеля бигля Йерри назвал Хови, в честь Ховарда Хьюза, голливудского сумасшедшего тридцатых годов; как говорят, он создал современную авиапромышленность и под старость превратился в одинокого ипохондрика в замке под Лас-Вегасом.

«Если у меня когда-нибудь будет собака, я назову ее в честь большего безумца, чем я сам или кто-либо из моих знакомых», – так думал Йерри Петерссон, читая биографию Хьюза.

Ноздри собаки то сжимаются, то расширяются, когда она будто пожирает глазами поля вокруг замка Скугсо.

По утрам замковые владения особенно красивы. Нарождающийся день словно тонким маслянистым слоем растекается по камням и полю, дождь стучит по крыше автомобиля и ветровому стеклу. Йерри Петерссон останавливается на краю дороги, смотрит на птиц, прыгающих по земле цвета устричной раковины, отыскивая червяков в гнилой растительности и лужах, разрастающихся день ото дня. Листва лежит здесь кучами, и Йерри думает, что она похожа на потрепанное покрывало с прекрасного живописного полотна мастера старой школы. И под этим покрывалом жизнь идет своим чередом: личинки окукливаются; жуки сражаются друг с другом, а мыши с потоками дождевой воды заплывают в такие края, о существовании которых не подозревали раньше.

Собака беспокоится, скулит, хочет наружу.

– Сиди тихо, скоро выйдешь, – утешает ее Йерри Петерссон.

Земля.

Может ли она стать судьбой?

Иногда, когда Петерссон объезжает свои владения на автомобиле, ему мерещатся люди, с которыми сводила его жизнь. Они мелькают между деревьями, камнями, домами.

Он не мог не появиться здесь снова, ведь так?

В тот новогодний вечер был сильный снегопад. Настолько сильный, что утренний туман был похож на только что вымытое прозрачное стекло.

Йерри вырос всего в нескольких милях отсюда, в многоквартирном доме в поселке Берга со своими родителями.

Он смотрит на себя в зеркальце заднего вида, заводит машину и продолжает путь. Минует два поворота, прежде чем снова остановить машину. Собака обеспокоена теперь еще больше, и Йерри сначала выпускает ее, а потом уже выходит сам. Бигль устремляется в открытое поле, словно почуяв косулю или лося, зайца или лисицу.

Несколько секунд Йерри смотрит ей вслед, а потом и сам ступает на болотистую землю. Шлепает по воде, видит, как собака стремительно пересекает лесную поляну то в одном, то

в другом направлении, исчезает в глубокой канаве, потом возникает снова, чтобы зарыться в кучу листьев: бледно-охряных, матовых, будто покрытых бронзовой пудрой, цвета сусального золота, словно соперничающих друг с другом в красоте и оригинальности расцветки.

Если не считать собаки, Йерри Петерссон в поле совершенно один. Но ему здесь вполне комфортно. Это место, где все умирает и заново рождается, разделительная линия существования, где ничего нельзя предугадать, где жизнь будто перебирает четки своих возможностей.

Он проводит рукой по крашеным блондинистым волосам и думает о том, что их цвет гармонирует с его острым носом и жестким, глубоким взглядом синих глаз. Его лоб изрыт морщинами. Бизнес-морщинами, честно заработанными.

Там, в стороне, лес. Сосны, ели, молодая поросль. В этом году тут много зверья. Арендаторы-крестьяне подъедут сегодня позже. Пусть попробуют раздобыть лося или пару косуль, их развелось слишком много.

Чего бы только не дал Фогельшё за возможность снова поохотиться в этих лесах!

Он разглядывает свои руки, ярко-желтый плащ от «Прада»[11]. Капли стучат по желтому гортэксу[12].

– Хови! – зовет Йерри Петерссон. – Хови, пора идти.

Жесткий. Дерзкий. Бездушная машина. Человек, шагающий по трупам.

Так говорят о нем в стокгольмских деловых кругах.

Для большинства он тень, слух, в лучшем случае тема для беседы. Некто, не раз вызывавший восхищение в мире, где ничего не желают так сильно, как быть успешным. Настолько, чтобы можно было затаиться, вместо того чтобы мозолить публике глаза и горланить перед телекамерами с целью привлечь больше клиентов.

Йерри Петерссон? Гений, как я слышал. Толковый адвокат. Разве он разбогател не на той афере с компьютерной фирмой? Успел выйти из игры вовремя? Должно быть, дамский любимчик. И все-таки… Берегись его! Разве он не в одной команде с Йохеном Гольдманом? У них как будто совместное предприятие?

– Хови!

Но собака не слушается, не хочет идти. И Йерри знает, что может оставить ее в покое, пусть сама отыскивает в лесу дорогу к замку. Обычно она возвращается домой через несколько часов. Но на этот раз Петерсон почему-то решил все-таки подозвать собаку к себе, поговорить с ней, прежде чем они расстанутся.

– Хови!

И собака немедленно бежит к нему через все огромное поле, словно по голосу понимает, что это важно. И вот она уже перед своим хозяином. Прыгает у его ног, а он становится на колени, чувствуя, как влага проникает сквозь ткань брюк, и треплет ее с усилием, как ей нравится.

– Что будешь делать, приятель, побежишь домой сам или поедешь со мной на машине? Решай сам. Или беги, пожалуй, кто знает, не взбредет ли мне в голову свернуть куда-нибудь с дороги.

Собака лижет ему лицо, прежде чем повернуться и убежать. Она зарывается в кучу листьев, а потом исчезает в темноте леса, словно в черном проеме распахнутой двери.

Йерри снова садится в «Рендж Ровер». Поворачивает ключ в замке зажигания, слушает звук мотора, и машина медленно движется по дороге, углубляясь в густой, окутанный туманом лес.

---

[11] «Прада» (*итал.* Prada) – известная итальянская модная частная компания, дом моды и модный бренд.

[12] Гортэкс (Gore-tex) – «дышащий» материал, обладающий высокой водонепроницаемостью. Производится фирмой W. L. Gore&Associates. Применяется для изготовления специальной одежды.

Он не запер ворота замка, отправляясь на эту незапланированную утреннюю прогулку по своим владениям, после того как рано проснулся, да так и не смог снова заснуть. Кто может прийти? Кто осмелится?

Он немного волнуется.

Фредрику Фогельшё и старику Акселю, вероятно, хотелось бы приехать.

Или Катарине, но она совсем отстранилась от него.

Дочь, все-таки.

Их дом теперь мой.

Когда-то давно он уже крутился вокруг этой семьи.

Ворона пролетела совсем низко, ударяя в стекло крыльями, одно из них как будто сломано.

Замок большой. Вероятно, Йерри нужна женщина, с которой он мог бы разделить его. «Я найду ее в свое время», – надеется он.

Во всех своих домах, с каждым разом становившихся все просторнее, Йерри всегда размышлял о том, что ему нужна женщина. Но это была не более чем игра воображения, в которую он так любил играть. А когда он действительно хотел женщину, найти ее было несложно. Стоило только выехать в гостиницу или позвонить по одному из известных ему номеров – и вот она, любовь с доставкой на дом. Или подворачивалась какая-нибудь похотливая дама на конференции в городе. Кто угодно. Это были женщины, предназначенные для удовольствия, которых нет ни в прошлом, ни в будущем. Женщины для утоления похоти. Здесь нечего стыдиться, что есть, то есть.

А потом до Йерри дошли слухи, что замок Скугсо выставлен на продажу и за него просят шестьдесят пять миллионов крон. Не было никаких объявлений, просто знакомый агент по недвижимости в Стокгольме, занимавшийся этим делом, сообщил Йерри, что в окрестностях Линчёпинга продается замок с прилегающими к нему землями.

Скугсо.

Стоящее дело?

Шестьдесят пять миллионов кусаются, но не слишком. Он получил за эти деньги больше, чем замок: семьдесят пять гектаров первосортного леса, почти столько же пахотной земли и заброшенную церковь, которую всегда можно снести, чтобы на ее месте построить что-нибудь другое. И сейчас, здесь, в это прекрасное сумрачное осеннее утро, с его туманом и бесконечным дождем, когда чувство легкости и покоя наполняет его тело, он понимает, что правильно вложил деньги. За что еще стоит платить, если не за ощущения?

Петерссон хотел встретиться с Фогельшё на бульваре Карлавеген при заключении сделки. Может, чтобы поглумиться над ним, смерить старика презрительным взглядом, дать ему понять, какую ошибку он совершил, рассказать о надвигающихся новых временах.

Но Аксель Фогельшё так и не появился на встрече в Стокгольме. Прибыла помощник адвоката из Линчёпинга, темноволосая молодая особа с полными щеками и губами трубочкой. После того как контракт подписали, он пригласил ее на обед в ресторан «Принц». А потом в офисе прижал ее к окну, задрал юбку высоко к животу, продырявил черные колготки и взял ее, со скучающим видом глядя на автобусы, такси и людей, движущихся внизу по Кюнгсгатан единым, словно направляемым свыше потоком. Йерри казалось, он слышит, как работает в парке Кюнгстредгорден огромная газонокосилка.

В замке должны быть привидения. Мятущаяся душа графа Эрика; говорят, что он убил своего собственного сына, когда посчитал того слабоумным. Русские солдаты, якобы замурованные в замковом рву.

Йерри Петерссон никогда не видел привидений. Только слышал щелканье и свист, доносившиеся ночами откуда-то из-за каменной стены, и чувствовал холод, веками копившийся в этом здании.

Призраки.

Привидения.

Замок и пристройки были в плохом состоянии, он все отремонтировал. И последний год чувствовал себя здесь полноправным хозяином. Несколько раз он видел в своих владениях черный автомобиль и думал, что это кто-то из семьи Фогельшё совершает прогулку в приступе ностальгии. «Ради бога», – думал он, хотя и не был совершенно уверен, что это они. Мало ли кому могло взбрести в голову здесь покататься.

Портрет Йерри Петерссона появился в газете, когда стало известно имя нового хозяина Скугсо. Он давал интервью, смиренно лгал о мечте жизни и ее воплощении. Зачем?

Журналист, некий Даниэль Хёгфельдт, добрался до самых теневых сторон деятельности адвоката и полагал, что тот выгнал семью Фогельшё из родового гнезда, принадлежавшего им более пятисот лет.

Скулеж.

Хватит скулить! Нет таких исключительных прав, данных человеку от рождения. Йерри до сих пор проклинает эту статью, сожалеет, что пошел на поводу собственного тщеславия, захотел во всеуслышание объявить о своем возвращении, восстановить порядок, которого никогда не было. Он воображал себе, что это именно то, чего он хочет.

Как только не издевалась семья Фогельшё над здешними жителями! Сколько их было, батраков, крестьян-арендаторов, наемных рабов, попробовавших плетки управляющего? Скольких еще смешали с грязью Фогельшё из чувства собственного превосходства?

Йерри Петерссон не стал нанимать постоянный персонал, предпочитая на все работы брать поденщиков. Он хорошо им платит и не унижает их.

А эта история со рвом! Его прорыли как будто в начале XIX века, когда рвы вокруг замков давно уже никому не были нужны в этой стране. Но один из графов захотел иметь ров и запросил русских военнопленных со строительства канала фон Платена[13]. Они копали, пока не пали мертвыми от истощения. Говорят, их трупы замуровали во рву, когда выкладывали его стены камнем, и души русских оказались навечно заперты в этом бессмысленном сооружении.

Тем не менее временами во дворе замка бывает пустынно и одиноко. Здесь Йерри в первый раз почувствовал, как ему необходим друг и то сознание защищенности, которое дает присутствие рядом живого существа, способного поддержать в случае чего и предупредить об опасности. А для охоты ему понадобилась собака.

Кто это маячит там впереди, на дороге? Хови? Так быстро? Нет, это невозможно. Совершенно невозможно.

Олень?

Косуля?

Нет.

Дождь льет как из ведра, но в теплом, пропахшем бензином салоне «Рендж Ровера» уютно.

И вот из тумана возникает замок. Трехэтажное каменное строение, покрытое серой штукатуркой, будто вырастает из земной коры, а окружающие его стены устремлены в серое небо, словно чувствуют с ним какую-то связь. Ветер раскачивает зеленые фонари, поставленные Йерри Петерссоном вдоль рва. Он любит этот цвет.

[13] Балтазар фон Платен (1766–1829) – шведский адмирал, инженер, построивший Гёта-канал близ Линчёпинга.

Кто там стоит на лестнице? Для арендаторов, с которыми он собирается на охоту, рановато.

Йерри жмет на газ. Он хочет коснуться теплой собачьей шерсти, но на сиденье рядом никого нет. Все верно.

Петерссон торопится. Ему не терпится услышать хруст гравия под колесами «Рендж Ровера» на склоне замкового холма и узнать, кто же стоит там на лестнице.

Из тумана проступают неясные очертания человеческого тела. Кто это, зверь? Привидение? Жаждущие мести души русских солдат? Граф Эрик с косой, спрятавший лицо под капюшоном?

Теперь их разделяет каких-нибудь десять метров.

Кто это? Женщина? Ты?

Или это опять он? Скучно в таком случае.

Йерри останавливает машину и сигналит.

Черная фигура на лестнице беззвучно приближается к нему.

6

Утренний свет серый, тем не менее он режет Малин глаза.

Не больно. Словно тупой нож, найденный в одном из ящиков на заброшенной кухне давно умерших дальних родственников. Она поднимает глаза к окну гостиной. Солнце закрыто плотным слоем облаков. Малин чувствует свое распухшее тело и пытается оглядеться вокруг, однако вынуждена время от времени закрывать глаза, чтобы хоть немного успокоить свой возбужденный мозг и, погрузив его во мрак, заглушить сердитую пульсацию.

Ее обмякшее тело лежит на паркете. Батарея под головой теплей, чем была вчера. Малин слышит течение горячей воды.

Рядом почти пустая бутылка текилы, пробка закручена наполовину. Малин озирает квартиру. Все вокруг серое.

«Весь мой мир серый, – думает она. – И в нем гораздо больше оттенков, чем может уловить мозг. Начиная с темно-свинцового пыльного пола под диваном и кончая грязно-белыми стенами».

А кто это заглядывает в окно? Чье лицо выступает там из тумана? Может, это моя нечистая совесть, тошнота? Как, черт возьми, я могла? Я ударила…

От меня воняет. Я отворачиваюсь, чтобы не видеть своего лица в зеркале.

Как мне найти в себе силы выйти отсюда?

Я должна позвонить Янне и Туве, но что я скажу?

Что люблю их?

Что идет дождь?

Что я раскаиваюсь?»

– Сакариас! Сакариас!

Это Гунилла зовет из кухни своим пронзительным, как телефонный звонок, голосом. Чего она хочет на этот раз?

– Мартин забил два гола этой ночью!

Ни у одной женщины больше нет такого голоса.

Сакариас, он же Харри, Мартинссон, криминальный инспектор полиции Линчёпинга, выбирается из постели. Встает, чувствуя, что тело стало неестественно жестким от сырости. Совсем немного света пробивается из-под краев черных жалюзи, и он понимает, что погода снаружи все такая же отвратительная. Лучше всего было бы не выходить сегодня на улицу, заняться домашними делами.

Мартин заключил контракт с НХЛ[14]. Имел успех на Кубке мира в Москве, и они забросали его агента деньгами. А полгода назад контейнер с вещами отправился в Ванкувер.

Теперь он богат и знаменит. «Если нужны деньги, папа, на отпуск, или на летний домик, или вдруг захочешь навестить нас, только скажи. Линус растет, вы, наверное, хотите увидеть его?»

Самый дешевый билет до Ванкувера на одного человека стоит двенадцать тысяч крон. Многовато при моей следовательской зарплате.

Моему внуку сейчас восемь месяцев, я хочу его увидеть. Но лететь на деньги Мартина? Никогда.

И все свои миллионы мальчик получает за то, что ему удается немного развлечь малообразованных, измученных работой обывателей. Иногда Харри это бесит. Равно как вся дурь, которой занимаются эти хоккейные мачо. Сами игроки, тренеры и фанаты считают это делом

[14] Североамериканская Национальная хоккейная лига.

настоящих мужчин. Понимают ли они, о чем говорят? Знают ли они, что такое реальная опасность и что требуется человеку, стоящему перед ее лицом? Есть ли у кого-нибудь из этих «ледяных принцесс» в доспехах и негабаритных шортах то, что бывает нужно, когда по-настоящему горячо? Понимают ли это Сундин или Форсберг?[15] Гомики.

– Харри, а сейчас его показывают по четвертому каналу. Скорей спускайся.

Хоккей Гунилла взяла на себя. Подвозила сына на стадион. Была хорошей мамой, когда Харри, не в силах преодолеть своего отвращения к игре, отправлялся репетировать с хором «Да Капо».

Мартинссон надевает кальсоны. Они жмут ему на ляжках и между ног. Стоя посреди темной спальни, проводит рукой по своей обритой голове. Двухдневная щетина колет ладони, однако еще недостаточно отросла, сегодня можно не бриться.

Мой сын забивает голы.

И Харри невольно улыбается. Скорей спускаться? Никогда. Ведь малыш, похоже, и сам справляется со своими спортивными гомиками.

«Она больше не спит со мной. Эта постель – море упущенных возможностей».

Шеф полиции Карим Акбар протягивает руку, будто хочет прикоснуться к своей жене. Но ее нет рядом с ним, он отвергнут ради другого. А может, так все-таки лучше? В последние годы он не решался приблизиться к ней, боялся ее отказа.

Она все время уставала. Работала куратором в две смены, в то время как половина ее коллег подалась в Норвегию, чтобы получать там в два раза больше за две трети полного рабочего дня.

«В этом есть что-то, чего я не вижу, – думал Карим. – Но что?» Он сделал из чувства предмет размышления, вместо того чтобы присмотреться к нему и попытаться понять, что все это значит и какие последствия может иметь. Он думал о том, что два человека могут прожить бок о бок всю жизнь, так и не поняв друг друга, и что эта пустота постепенно убивает тебя, и в то же время продолжаешь жить. Вероятно, это сродни тому, что чувствовал его отец, когда он, инженер, приехавший в Швецию из турецкого Курдистана, не нашел себе здесь ни работы, ни какого-либо вообще места в обществе. Папа окончил жизнь в петле, сделанной из нейлонового галстука, в своей квартире в районе Накста в городе Сюндсвалль.

Иногда Кариму Акбару приходила в голову мысль, что жена не хочет жить с ним. Почему в таком случае она так долго ничего не говорила? Ведь он достаточно просвещенный человек и не стал бы предъявлять на нее никаких собственнических прав. Однако ему никогда не хватало сил довести эту мысль до конца и спросить ее прямо.

И вот она ушла. Взяла их девятилетнего сына и переехала к своему коллеге в Мальмё. Она решилась. Но он знал, что она боялась и, быть может, боится до сих пор. Напрасно. «Я никогда не сделаю так, как мои земляки, отец и брат, арестованные несколько месяцев тому назад. Мне больно вспоминать о них».

Развод.

Нет лучшего слова для обозначения одиночества и растерянности. Он попытался уйти в работу над своей новой книгой, посвященной проблеме интеграции иммигрантов в шведское общество, рассмотренной в совершенно новом ракурсе, но не смог. Вместо этого он стал думать над тем, как ему поддержать сына во время их встреч.

Папа на каждый третий выходной. Она хотела оформить опекунство, и он уступил. Меняться с ней каждую неделю совершенно не согласовывалось с его рабочим графиком. И потом, они живут теперь в разных городах.

[15] Матс Сундин, Петер Форсберг – знаменитые шведские хоккеисты.

Байран с ней и в праздничные дни. На его день рождения в сентябре они были в Стокгольме, и сын пошел вместе с ним в магазин мужской одежды «Гетрих», где Карим покупал себе новый костюм. Он даже позволил Байрану самому выбрать пару галстуков. Тонкая, мягкая шерсть. Кашемир. Вполне по карману выскочке – полицейскому шефу вроде него. Как и «Мерседес».

Карим натягивает на себя одеяло, слушает, как стучит за окном дождь и думает о том, что неплохо было бы подыскать себе квартиру где-нибудь в городе, поближе к работе. В Ламбухове[16] слишком много от Накста и Сюндсвалля.

Но могло быть и хуже. И Карим представляет себе лицо следователя Бёрье Сверда и его лихо закрученные усы. Сейчас он в отпуске, его жена Анна нуждается в круглосуточном уходе. Рассеянный склероз, болезнь поразила нервы, управляющие мускулами вокруг легких, и Анна уже не может дышать самостоятельно.

– Может, полгода она еще продержится, – говорил Бёрье, когда хотел получить отпуск по уходу за больной женой.

– Занимайся Анной, сколько будет нужно, – отвечал Карим. – А потом добро пожаловать обратно.

И Малин Форс. «Ей сейчас тяжело, – думает Карим. – Но что я могу сделать? Она слишком много пьет. И, видит бог, она незаменима в своем отделе».

Свен Шёман, комиссар и руководитель следственной группы отдела уголовных преступлений полиции Линчёпинга, похоже, умеет проникнуть в самые сокровенные тайны дерева, извлечь из него красоту, дремлющую в нем практичную и прекрасную форму.

Конечно, это всего лишь романтика. Но если такое хобби, как резьба по дереву, лишить романтики, где в таком случае еще останется для нее место?

Токарный станок гудит. Стружки летят на его голубую майку с рекламой склада пиленого леса в Берге.

Мастерская Свена, расположенная в звуконепроницаемой комнате в подвале одного из домов района Валла, пахнет свежеструганым деревом, лаком, олифой и потом.

Лучше всего здесь бывать по утрам, хотя именно в эти часы острей чувствуешь свое одиночество.

Комиссар никогда не любил одиночества, предпочитая ему общество людей. Жены, к примеру. Хотя за все годы совместной жизни они не сказали друг другу ни одного лишнего слова. Или коллег. Карима.

Малин. Как ты там, Малин? «У нее был нелегкий год», – думает Свен, вынимая из токарного станка будущую чашу. Потом он выключает машину и наслаждается тишиной, вмиг воцарившейся в комнате.

Это была глупая идея, снова переехать к Янне. Во всех отношениях глупая. Но я не мог тебе этого сказать. Твоя жизнь – это твое дело, Форс. В работе я еще могу кое-что тебе посоветовать, хотя и в этом ты нуждаешься все реже. Но в жизни? От тебя все чаще несет спиртом. Ты выглядишь несвежей, измотанной, печальной. Вот так.

Только бы не стало еще хуже! Янне, твой муж, или скорее бывший муж, который снова живет с тобой, звонил мне, хотел, чтобы я что-нибудь сделал. Говорил, что ты пьешь. Конечно, иногда это заметно. И я пообещал ему. Но что? Поговорить с тобой? Ты будешь ругаться. Отстранить тебя от работы? Для этого пока нет причин. Послать к какому-нибудь специалисту? Но ты никуда не пойдешь, ты ведь такая упрямая.

Пьянство – в каком-то смысле наша профессиональная болезнь. Мы видим столько дерьма, что время от времени бывает необходимо снять напряжение.

[16] Ламбухов – район Линчёпинга.

Он поправляет ремень. Еще четыре дырочки и минус двенадцать килограмм. С давлением стало лучше.

Но все равно я слишком много ем.

– Застегни комбинезон. Сейчас же! Я не собираюсь повторять дважды.

Инспектор криминальной полиции Юхан Якобссон стоит в прихожей своего таунхауса в районе Линдхем. Пятилетняя малышка в похожем на пузырь комбинезоне поет, ее мир непроницаем для слов Юхана.

Какого черта они затеяли поездку к родителям жены именно в эти выходные, когда у него в кои веки свободная пятница! Последнее, что им нужно сейчас, – такое вот нервозное утро, когда обидные и бесполезные слова то и дело проносятся в воздухе, словно шальные пули.

– Возьмешь Хюго? Я беру Эмму.

Жена кивает и нагибается за синей курткой мальчика.

– Я не собираюсь повторять…

– Чем ты так раздражен?

И начинается…

– Это была не моя идея – отправиться в Несшё ни свет ни заря.

– У папы день рождения.

– Да, шестьдесят три. Не так много, чтобы он не мог справиться со всем сам.

Жена умолкает, она и не думает отвечать на последнюю реплику. «Глупо», – думает Юхан, тянется за девочкой, берет ее за тонкую, но сильную руку и привлекает к себе.

– Надень ей куртку.

– Зачем она ей в машине?

Юхан отпускает руку дочери. Закрывает глаза. Он мечтает о дежурстве в эти выходные. Солгать, сделать вид, что что-то случилось. Или пусть бы действительно что-нибудь случилось.

Дети. Глаза Юхана закрыты, но он слышит их голоса, и ему кажется, что сейчас они звучат отчетливее и радостнее, чем раньше. В них больше уверенности, несмотря на недовольные нотки, и Юхан думает о том, что все эти тысячи поцелуев и объятий, миллионы улыбок и заверений в самой большой на свете любви не проходят даром. Сделать человека счастливым вполне возможно. Это просто и стоит затраченных усилий.

– Юхан, – говорит жена, – не волнуйся. Мы можем оставаться спокойными, надо только захотеть.

Перед ним на белой в грязных пятнах стене четыре крючка для одежды. Самый меньший свободен и вот-вот отвалится.

Вальдемар Экенберг перед открытой на террасу дверью глубоко затягивается сигаретой. Терраса с подветренной стороны, иначе он не стоял бы здесь, а курил возле вентиляционной вытяжки на кухне.

Он смотрит в небо на аккуратные, серые с белым крыши домов.

Ничего нет приятнее утренней сигареты. Даже если жена будет ругаться, что от него несет дымом, когда он вернется в постель.

Вальдемар не сомневался ни минуты, когда открылась временная вакансия в Линчёпинге. Группа понравилась ему еще во время их совместной работы с тем ужасным делом об убийстве девочки-подростка.

Они не хотели его, он это знал. Но с его послужным списком не могли ответить «нет», ведь другим претендентом была женщина, только что проэкзаменованная в полицейской школе.

Форс. Шёман. Якобссон. Акбар. Мартинссон.

Не худшая компания легавых. Высокий процент раскрываемости. Напряженность в группе в пределах нормы.

Форс.

Маниакальная дама. Говорят, стала еще хуже после того, что случилось с ее дочерью, и она опять съехалась со своим пожарным. Как следователь она несгибаема. Очень раздражительна, а над такими он любит подшутить. У нее проблемы со спиртным. Многих его коллег погубила бутылка, и он никогда ничего не мог для них сделать. Потому что, когда человек опускается на дно, обратного пути уже нет.

Якобссон.

Мучается с детьми.

У них с женой никогда детей не было, и это к лучшему. Сейчас мы занимаемся только собой. Прошлой зимой ездили вдвоем в Таиланд и могли сколько угодно наслаждаться покоем, в отличие от семей с маленькими детьми, что проживали с ними в отеле.

Детская любовь. Любовь к ребенку. «Нельзя хотеть того, чего никогда не испытывал», – думает Вальдемар, делая последнюю затяжку.

Или все-таки можно?

Малин стоит у кассы магазина «Севен-Элевен» на Огатан. Волосы мокрые от дождя, трусы врезаются в ягодицы, самочувствие отвратительное, как и погода на улице. В спальне в гардеробе она отыскала старые негнущиеся джинсы и розовую рубашку – по ее прикидкам, ей не меньше десяти лет, но носить еще можно. Универмаг «H&M» еще не открылся, а вещи из дома в Мальмслетте она заберет, когда будет время. То, что ей сейчас нужно сделать, – это забрать вещи, Туве и вернуть жизнь в то состояние, в котором она была до того, как они стали жить вместе, одной семьей, и до того как она подвергла жизнь Туве смертельной опасности.

Перед Малин зубная паста, щетка, дезодорант и кофе. Заспанный продавец пробивает товар.

– Выездной матч? – спрашивает он.

Выездной матч? Вчера у местной команды был выездной матч?

Потом до нее доходит, что имел в виду продавец, и ей хочется двинуть кулаком в его жирное рыло, но она только качает головой.

– То есть никакого выездного матча. Просто было поздно, так? Когда у меня такое же самочувствие, как у вас сейчас – судя по тому, как вы выглядите, – мне не хватает сил даже подняться с постели.

– Прекратите болтать и возьмите деньги!

Продавец разводит руками:

– Я только хотел пошутить, чтобы поднять вам настроение. Извините.

Малин забирает сдачу и выходит на дождь. До ее дома несколько сотен метров.

И вот она уже под душем. Вода, более холодная, чем дождь, омывает ее голову, прогоняет злые мысли, словно замораживая их.

«Главное – не думать о том, что было вчера, – убеждает себя Малин, попивая кофе из чашки, стоящей на полочке для мыла. – И пусть две таблетки альведона, что я нашла в аптечке, окончательно поставят меня на ноги.

Голова гудит.

Туве переедет сюда на неделе. Может, сегодня вечером.

А мне надо на работу. Но что же такое должно случиться, чтобы эта проклятая голова перестала трещать?»

7

Ёте Линдман, совсем недавно ему исполнилось пятьдесят два года, гладит рукой свою мокрую, гладко выбритую голову. Ему уже приходилось бывать в замке Скугсо. Восьми лет от роду он стоял рядом со своим отцом в покоях Акселя Фогельшё и выслушивал условия найма на предстоящие летние работы. Они арендовали солдатский торп[17] в юго-западном углу замковых владений.

«Вы придете, когда я вас позову», – твердый, повелительный голос графа снова звучит в ушах Ёте Линдмана сейчас, когда они с Ингмаром Юханссоном, спустя столько лет, проходят по коридору первого этажа, глядя на холодные серые каменные стены, украшенные картинами разных художников примерно через каждые пять метров.

– У него есть собака, – говорит Ёте Линдман. – Но сейчас ее нет здесь, иначе мы бы ее уже слышали.

– Брехливый бигль, – бурчит Ингмар Юханссон.

Больше сорока лет тому назад Ёте Линдман был здесь со своим отцом.

Его же собственные отношения с Фогельшё оформлены в адвокатской конторе в городе. Слава богу, он арендует только землю, неподалеку от поселка Банкечинд у него есть свой небольшой дом без участка.

О том, что замок Скугсо продан, Ёте сообщил какой-то адвокат. Аренда должна была продолжаться, как раньше.

Они проходят комнату за комнатой, заглядывают то в одну, то в другую дверь, скрипят подошвами то по деревянному, то по каменному полу, метр за метром обследуя пустое, неиспользуемое пространство. Они приехали сюда на черном «Саабе» Линдмана, сейчас он припаркован рядом с «Рендж Ровером» Петерссона внизу, у подножия замкового холма. Ворота были не заперты, а на охранной панели мигал зеленый огонек. Они сомневались, прежде чем войти, не хотели беспокоить нового хозяина.

Ёте Линдман помнит, как однажды Йерри Петерссон появился у ворот его дома. Он стоял рядом со своим «Рендж Ровером» в дурацком желтом плаще и широко улыбался. Ветер трепал его крашеные светлые волосы, и Линдман сразу понял, что этот визит не предвещает ничего хорошего.

– Ты знаешь, кто я? – спросил Петерссон, и Ёте Линдман кивнул.

– Угостишь кофе?

Они сидели за столом на кухне, ели булочки, приготовленные Светланой, и пили свежесваренный кофе, когда Петерссон сообщил, что с арендой все остается по-прежнему. Однако есть одно новое требование: как только он позовет их на охоту, они должны будут явиться. Независимо ни от погоды, ни от каких-либо других обстоятельств.

– Когда я позову, ты придешь. Понял?

Ингмар Юханссон заглядывает на кухню. Медные кастрюли сияющими рядами свисают на шнурах, прикрепленных к потолку. Они светятся даже в тусклых утренних сумерках. Здесь все новое: белый мрамор на стенах и полу, блестящие стальные механизмы, плита длиной около двух метров с десятью конфорками. И ни души, никакого Йерри Петерссона. Владелец земель, арендуемых Юханссоном и Линдманом, как сквозь землю провалился.

Звонок раздался в четверг вечером.

– Ты мне понадобишься завтра в восемь утра. Загоним косулю, их становится слишком много.

---

[17] Торп – арендованный участок земли.

Черт меня подери, если в Скугсо слишком много косуль! Скорее их слишком мало. Но голос Петерссона не оставлял места для возражений. И это было предусмотрено условиями аренды.

– Так, значит, в восемь? – переспросил Ингмар Юханссон.

– Именно, – подтвердил Ёте Линдман.

Они оба говорили по телефону с Петерссоном сразу после того, как он нанес им визиты. Оба понимали, что все обернулось не худшим образом: ведь Петерссон мог бы организовать на всех замковых землях одно большое сельскохозяйственное предприятие. Йерри не ответил, когда Ингмар Юханссон напрямую спросил о его планах; сказал только, что помощь на охоте входит в условия аренды.

– Не опаздывайте, – строго предупредил Йерри Петерссон по телефону.

И вот они оба на месте, а хозяина не видно.

Ступени на лестнице высокие, а в мокрых сапогах легко поскользнуться. Они осторожно поднимаются на второй этаж, зовут Петерссона, но им отвечает только эхо. Прямо над двадцатиметровой лестницей, по которой они поднимаются, висит люстра. Ей, должно быть, уже несколько веков, на ней более сотни наполовину сгоревших свечей в массивных подсвечниках. На одной стене вестибюля висит полотно в голубых тонах, изображающее мужчину, накладывающего солнцезащитный крем на спину женщине.

Запыхавшись, они доходят до второго этажа.

– Ему следовало бы установить лифт, – говорит Ингмар Юханссон.

– Должно быть, слишком дорого, – отвечает Ёте Линдман.

– У него есть на это средства.

– Может, нам посмотреть его в подвале?

– Ну его к черту! Что там внизу может быть, если не застенок? Знаешь, «железная дева»[18] и такой одинокий стул посреди комнаты…

– Черт. Не знал, что у тебя такая богатая фантазия, – говорит Линдман.

Они бродят по комнатам.

– И здесь он живет… – задумчиво произносит Юханссон.

– Какие странные картины, – шепчет Линдман, когда они входят в комнату с множеством огромных фотографий, представляющих фигуру Иисуса, погруженную в какую-то желтую жидкость.

– Думаешь, это моча? – спрашивает Юханссон.

– Черт его знает.

Большая пластмассовая скульптура, представляющая розового и фиолетового медведей с саблевидными зубами, украшена драгоценными камнями; горящие глаза зверей похожи на алмазы.

На другой картине изображены камбоджийские военнопленные, которых как будто гонят вон из комнаты.

Мебель словно из каюты корабля: прямые линии, черно-белые краски, формы, какие Линдман видел в журналах по дизайну, просматриваемых им в парикмахерской.

– Ну и дела! Во что только люди не вкладывают свои кровные! – восклицает Юханссон.

– Петерссон, Петерссон! Мы уже здесь!

– Пора на охоту! Косули ждут!

Они останавливаются, ухмыляясь друг другу, а потом снова нависает холодная тишина.

– Как ты думаешь, где он может быть? – спрашивает Линдман, расстегивая свою зеленую куртку и утирая пот со лба.

---

[18] «Железная дева» – орудие пытки, представлявшее собой сделанный из железа шкаф, изнутри утыканный гвоздями, в виде женщины, одетой в костюм горожанки XVI века.

– Понятия не имею. Может, где-нибудь снаружи? Здесь, в замке, его нет, иначе он бы услышал нас.

– Но автомобиль стоит внизу. И дверь не заперта.

– Чертов щеголь!

Они разглядывают вывешенные в ряд выглаженные хлопчатобумажные рубашки всех мыслимых расцветок.

– Ты ведь не отказался бы от такой?

– Что ты думаешь о нем? – спрашивает Юханссон.

– О Петерссоне?

– Нет, о Господе Боге. О Петерссоне, конечно.

Юханссон смотрит на Линдмана, разглядывая горестные морщины вокруг его глаз и рта, глубокие борозды на лбу. Он знает, что Ёте долгое время жил один, с тех пор как пятнадцать лет назад от него ушла жена. Она ездила на конференцию в Стокгольм и там совсем спятила, так что не смогла больше оставаться в сельском доме. Кто-то, должно быть, хорошо вправил ей мозги там, в Стокгольме. А потом он встретил русскую, экспортный экземпляр.

– Что я думаю о нем? – переспрашивает Линдман, причмокивая губами. – Он, похоже, не собирался отменять аренду. А насчет всего этого дерьма, что мы должны являться по первому его зову, как холопы какие-нибудь… Ну что здесь скажешь?

Юханссон кивает.

– Ты знал его раньше? – спрашивает Линдман спустя некоторое время.

Ингмар качает головой.

– Он как будто вырос в Берге. О его делах я не слышал ничего. Я никогда не интересовался такими вещами.

Юханссон смотрит на блестящие глаза гигантских медведей. Неужели там настоящие алмазы?

– И ему понадобился непременно этот замок.

– Может, он за что-то зол на графа?

– Да, на такого есть за что злиться.

Они останавливаются в одной из комнат и смотрят друг на друга.

– Ты слышишь что-нибудь? – спрашивает Юханссон.

Линдман кивает.

Снаружи доносится отчаянный собачий лай.

– Она чем-то напугана, – замечает Ёте.

Оба стоят в молчании еще некоторое время, прежде чем подойти к окну.

Проплывающее мимо низкое облако на глазах развеялось туманом и мелкими каплями осело на стекле. Ёте и Ингмар ждут, когда это облако, или туман, рассеется, и слушают тревожный собачий лай. Потом озирают окрестности: ельники, сосны, поля. Полоса тумана застилает ров.

– Красиво, – замечает Юханссон. – Ты видишь собаку?

– Нет.

– Да, я понимаю графа, любившего эту землю.

– Должно быть, ему неуютно в городе.

Ингмар Юханссон ухмыляется и переводит взгляд во двор. Внизу, на присыпанном гравием склоне замкового холма, стоит «Рендж Ровер» Петерссона и автомобиль, на котором они приехали. Но вот туман надо рвом рассеивается, и они замечают собаку, чье темное тело вздрагивает каждый раз, когда она поднимает голову к небу и лает.

– Она кого-то видит, – говорит Линдман. – Может, косуля упала в воду?

Вода во рву черная, тихая. По берегам слабо мерцают зеленые фонари.

«Здесь что-то не так. В воде есть что-то, чего там не должно быть. И это не косуля», – думает Ёте.

Собака смотрит вниз, потом снова раздается отчаянный лай.

В черной воде плавает что-то желтое. Неясный, словно пульсирующий, желтый круг мелькает перед ослабевшими с возрастом глазами Линдмана.

– Что это плавает там во рву, Юханссон? То, светлое, на что лает собака?

Ингмар Юханссон глядит в воду.

Ров похож на черного ручного змея, запертого между серыми каменными скалами. «Неужели это правда про замурованных русских солдат?» – думает он.

Внизу, на расстоянии около полусотни метров от него, на поверхности воды колышется что-то светлое, желтое, вырисовывается темный контур, силуэт, кажущийся ему сейчас очень знакомым. Он отводит взгляд.

Собака. Тело, спрятанное в воде, тем не менее различимое. Светлые волосы. Лицо, повернутое в сторону. Рот. Ингмару видятся светящиеся рыбки, мальки, резвящиеся во рту этого человека, давно уже, по-видимому, мертвого.

– Черт.

– Проклятье.

– Черт, – повторяет Ингмар Юханссон снова. Он не знает, что должен сейчас чувствовать или делать, знает только, что хочет, чтобы эта собака замолчала. Но она не замолчит. Она будет лаять и лаять в его кошмарных снах до скончания дней.

8

Я есть то, что больше не движется, что остановилось навсегда. Движется лишь вода вокруг меня.

Мне не нужно дышать, чтобы жить здесь, совсем как когда-то, давным-давно, когда все только начиналось, и я плавал, переворачивался в тебе, мама, и ничего не было вокруг, кроме тепла, темноты и счастья, да еще тех громких звуков и яростных ударов, сотрясавших мой маленький мозг и доносившихся изнутри.

Теперь здесь нет тепла, как и холода.

Я слышу собаку. Хови, это, должно быть, ты, я узнаю твой лай, хотя он звучит так, словно ты находишься где-то далеко.

Ты обеспокоен, напуган, хотя что может знать собака о страхе?

Мама, ты знала все о страхе, который есть в боли. У меня такое чувство, будто я стал ближе тебе, это так?

А вода, наверное, холодная, как мелкий тяжелый град, что струится с неба этой осенью.

Я пробую повернуться так, чтобы мое лицо оказалось на поверхности, но тела больше нет. И я пытаюсь вспомнить, как же я оказался здесь, но все, что я помню, это ты, мама, и то, как я покачивался в такт твоим движениям, совсем как в этой воде.

Сколько еще я здесь пролежу?

То, что я отражаюсь в этой воде, жестоко, безжалостно. Но я вижу в ней свое лицо с его острыми, правильными чертами, ноздри, одним своим движением наводившие на людей страх.

Что это было, гордость?

Значит, я гордый?

Или все уже позади, все успокоилось?

Я могу плавать хоть тысячу лет в этой холодной воде и одновременно быть господином над всеми этими землями, это прекрасно.

Но надо загнать косулю и ловить зайцев.

А люди рано или поздно должны покидать окружающую их свою теплую, безопасную воду. И новые дни должны родиться, а я должен во всем этом участвовать. Всем владеть.

Я буду лежать здесь и смотреть на себя, на мальчика, каким я был.

И я буду делать это, даже если испугаюсь. Я узнал только сейчас, что боюсь смотреть в лицо этому мальчику. Бьющий в глаза свет открывает ему мир толчками, напоминающими испуганный лай собаки.

9

Лето 1969 года, Линчёпинг и его окрестности

Мир похож на кинопроектор, включенный при помощи глаз, потому что когда глаза закрыты, изображение отсутствует. И мальчик в четыре года начинает чувствовать свои собственные глаза. Глубокие, синие и огромные, как глыбы, они посажены на идеальном расстоянии друг от друга на черепе восхитительной формы. Йерри понимает, что можно делать с этими глазами. Их можно широко раскрыть, и тогда случаются самые удивительные вещи, например воспитательницы в детском саду могут позволить ему делать то, что он захочет.

Его мир по-прежнему прост. Что знает он о том, что именно в этот день на тропические леса обрушились тонны напалма и «агента оранжа»[19], и люди в ужасе забились в пещеры глубоко под землей в ожидании, когда огненное желе проникнет и туда, чтобы уничтожить их.

Для него теплое – это теплое, а холодное – холодное, и выкрашенная черной краской медная труба, торчащая из красной шершавой деревянной поверхности, настолько горяча, что обжигает ему пальцы. Но это не опасно, это приятно и порождает в нем чувство защищенности, и в то же время наводит на него страх, потому что тепло напоминает ему о том, что все когда-нибудь закончится.

Многое происходит в этой жизни: ездят автомобили, ходят поезда, сигналят лодки на Стонгоне[20].

Он лежит в саду у своего деда и вдыхает запах травы, глядя на свои зеленые колени. Вечерами, когда налетают комары, дедушка ставит на землю ярко-голубой таз. Вода в нем теплая, а воздух вокруг холодный. А потом мальчик снова убегает от ревущего монстра, поглощающего растительность и источающего резкий запах. Папа потеет, когда ведет его. Ножи кусают мальчика за пятки, а широкая черная пасть извергает срезанную зелень. Но это не игра, и даже глаза мальчика не могут разжалобить отца. Папа разворачивает монстра и гонит сына по саду с криком: «Ну, сейчас я отрежу тебе ноги, я отрежу тебе ноги!» И мальчик убегает к лесной поляне, чтобы не слышать больше звука газонокосилки.

Но на кухне, возле мамы с бабушкой, глаза снова помогают ему, и он понимает, что булочки лучше всего есть свежими, пока в них не проник запах плесени, пропитавший пол в доме.

После работы отец вернется домой с пакетами, в которых что-то звенит, и теперь мама наконец успокоится. У нее, как и у бабушки, поднимется настроение сразу, как только он принесет эти пакеты. А потом они будут радоваться, но как-то не по-настоящему.

Вечером через открытую дверь от холодной лестницы исходит металлический запах, а мальчик играет в песочнице со стеклянными шариками разных расцветок, пока рядом не появляется другой мальчик.

Прочь. Тебя не должно там быть. Рука Йерри поднимается и обрушивается мальчику на нос, из которого хлещет кровь. Мальчик ревет и тоже бьет Йерри, а тот в ответ кричит ему «ничтожество!», а не «он меня ударил», и от этой лжи Йерри почему-то становится легче.

В его несложном мире в картонной коробке возле качелей лежит мертвая кошка. Когда-то он угощал ее сливками.

Есть чувства, витающие в двухкомнатной квартире, вопросы, которые ему задают. «Ты знаешь, что мы живем в Берге? Что папа работает на «Саабе»? Что он собирает там самолеты, летающие быстрее звука?» И снова этот смех. Они сидят на пестром оранжево-коричневом

---

[19] «Агент оранж» (*англ.* Agent Orange) – синтетическая смесь, применявшаяся американцами во время войны во Вьетнаме для уничтожения растительности.

[20] Стонгон – река в окрестностях Линчёпинга.

диване, каждый вечер ему застилают там постель, и пьют из бутылок, которые всегда есть у них в пакете. Они громко разговаривают, и воздух становится сладким и неприятным, смотрят на черно-белые фигуры людей на экране. А потом мама как-то по-особенному поднимется, словно взлетит с дивана, и они будут танцевать. Взрослые делают это, только когда пьют, и ему нравится смотреть, как мама танцует. А вот папа снова начинает его гонять, и газонокосилка хватает мальчика за лодыжки и руки. Вот четырехлетний Йерри выскальзывает из незапертой квартиры наружу, в большой мир, который полон жизни и ждет своего завоевателя. Кошка должна быть похоронена; качели должны взлетать к небу; машинам и поездам нужны водители. Люди не должны лежать в блевотине и болеть, и он не должен убегать от кого-то.

Йерри кричит.

Неистовствует.

Рисует мелом на стенах.

А потом отец берет спички и поджигает этот мир. Мальчик смотрит, как горит на песке деревянная лодка, и пламя навевает на него незнакомые чувства, не имеющие, может быть, названия, пока от лодки ничего не остается, кроме тлеющего каркаса на пустынном берегу в окружении обожженных досок.

Мальчик помнит папино отчаяние. Спасаясь от пьяного отца, он забивается за батарею под окном в гостиной. Мама устало закрывает глаза.

К боли нельзя привыкнуть, она каждый раз особая. Но эта жизнь никак не может оформиться, устояться, и, наверное, поэтому не все так безнадежно.

Ночью мальчик лежит в своей постели. Он не спит. В августовском вечернем воздухе чувствуется дыхание первых осенних холодов.

Йерри уже сейчас знает, что есть другая жизнь, но он не думает о ней, он слишком занят своим несложным миром. Закрывает глаза и представляет себе, как убьет отца лучами, исходящими из больших, словно глыбы, синих глаз. Йерри заставит замолчать эту косилку, и ее ножи больше не будут кусать его за пятки.

10

Глаза, такие же черные, как вода, кажется, подмигивают Малин, когда голова покачивается на едва заметных волнах. Желтый плащ будто светится.

В голове у нее шумит.

В машине возле лесной поляны лает собака. Звук похож на приглушенные пушечные выстрелы, словно доносящиеся изнутри скороварки. Когда они приехали, собака стояла на краю рва и лаяла как одержимая, однако дала увести себя вниз, к автомобилю.

Гав, гав…

Что видит в воде этот глаз? Что последнее он видел в жизни? Эта голова, разевающая рот, в окружении маленьких, похожих на червячков, рыбок, и голова Малин, раскалывающаяся от боли, – вот две вещи, придающие этому дню его собственную логику, структуру, неповторимую и сумасшедшую.

Скугсо. Она много раз проезжала мимо, но никогда раньше не видела замка: как-то не приходилось заезжать ни в лес, ни на поля. Хотя она разглядывала его снимки в книге о шведских замках и усадьбах, находившейся в библиотеке родителей в квартире возле Инфекционного парка. Обыкновенная каменная коробка с претензиями, хотя от нее действительно веет каким-то странным величием.

Линии прямые, украшения почти незаметны. Исполненная смирения декорация для драмы, которая разыгрывалась здесь на протяжении многих веков.

Малин Форс сидит на корточках на берегу рва. Огромные каменные глыбы, отсеченные, должно быть, от древних докембрийских пород, отвесно спускаются к воде, на поверхности которой дрожит зеленый свет фонарей. Сотни маленьких рыбок, не больше мальков и черней самой воды, косяками ходят вокруг тела.

Малин застегнула черную куртку из гортекса до самого верха, надвинула капюшон почти на лицо. На ней несколько утепленных рубашек, тем не менее она мерзнет, чувствуя удары тяжелых капель о ткань. Сегодня, заехав за Малин, Харри поинтересовался, не купила ли она свою допотопную куртку в секонд-хенде, а когда увидел ее джинсы, ухмыльнулся: «Восточноевропейская мода – это всегда актуально». Однако он оставил без комментариев то, что забирает ее у дверей ее дома на Огатан, хотя мог бы поинтересоваться, что она там делает.

На морозе мысли быстро прояснились и взгляд сфокусировался на теле, плавающем на поверхности воды, на светлых волосах и на смотревшем на Малин глазе.

Заспанный Харри рядом.

– И как, черт возьми, мы его поднимем? – спрашивает он.

– Надо пригласить водолазов из пожарной команды.

Об обнаружении трупа в полицейский участок сообщили в 8:15. Когда в квартире Форс зазвонил телефон, она выходила из душа. Уже по звуку звонка Малин поняла, что произошло нечто важное, словно аппарат наделен сознанием и может менять тон сигнала в зависимости от обстоятельств.

– Звонили какие-то крестьяне и сообщили, что нашли убитого человека возле замка Скугсо, – сообщил ей Харри.

Малин быстро оделась, и они отправились в южном направлении.

Харри заметил, что у нее пахнет изо рта и она плохо выглядит. Поинтересовался, не пьет ли, но Малин ответила, что только выпила немного текилы перед сном, и пошутила насчет того, что у него отличный нюх.

Они прибыли на место первыми. Лишь только припарковались у лесной опушки, как большие замковые ворота открылись и им навстречу вышли два человека. Малин знала, что это крестьяне-арендаторы Ингмар Юханссон и Ёте Линдман.

Они ждали, пока Малин и Харри, осторожно, стараясь не оставлять следов на месте преступления, уводили собаку. Потом объяснили, что должны были охотиться с Йерри Петерссоном на косуль, но он не встретил их в нужное время, а потом они обнаружили, как им показалось, его труп во рву.

– Точно было трудно разглядеть, – сказал Юханссон.

– Но это он, – возразил Линдман. – У него был такой же плащ.

Итак, труп в воде – это Йерри Петерссон. Звездный адвокат. Делец. Юрист теневого бизнеса, сделавший себе состояние в Стокгольме и переехавший на родину, когда представилась возможность купить Скугсо. Малин читала о нем в газете.

Если только это он.

Шум в голове. Собачий лай. В стороне, у лесной опушки, припарковались два патрульных автомобиля. Полиция в полном составе, ведь здесь, возможно, совершено убийство.

Но кто же это еще может быть, если не Йерри Петерссон? Малин закрывает глаза, чувствуя головную боль, и вслушивается в тишину. Ей кажется, что дождевые капли стучат о невидимое тело, что кто-то шепчет слова, которых она не может разобрать. Кто-то хочет ей что-то объяснить, сделать мир более понятным и приемлемым, но его голос исчезает прежде, чем она успевает уловить смысл сказанного.

Водолазы прибыли через полчаса, и сейчас красная машина экстренного вызова стоит рядом с автомобилем Харри, синим «Мерседесом» криминалиста Карин Юханнисон и красной «Вольво» Свена Шёмана. Автомобили припаркованы на склоне, по другую сторону рва, на приличном расстоянии от «Рендж Ровера» Петерссона и «Сааба» арендаторов. Машины репортеров подъезжают одна за другой. Журналисты стоят толпой, с большими и маленькими камерами, их вспышки похожи на отблески дальней грозы. Они кричат в сторону полицейских, но те игнорируют их.

Журналистам нужна конфетка, реклама, хорошо продаваемая история, удовлетворяющая человеческую потребность общения с насилием и смертью на почтительном расстоянии от них.

«Совсем как в дешевом детективе, – думает Малин. – Действительность имитирует вымысел».

Никто из полиции или пожарной команды не решился въехать на склон замкового холма из боязни уничтожить протекторы колес, или какие-нибудь отпечатки ног, или следы борьбы на гравии – что-нибудь из того, что может обнаружить здесь Карин Юханнисон. Малин видит, как Карин возится возле «Рендж Ровера», фотографирует, качает головой, утирает дождевые капли со лба. Даже в желтом дождевике эта женщина умудряется сохранять гламурный вид.

Она кивает подошедшему к ней Харри, и тот плотнее укутывается в свой темно-синий плащ.

«Слишком уверенный кивок», – замечает Форс, увидевшая за этим нечто такое, о чем не хочет ничего знать. Правда всегда открывается как после хорошего похмелья, проливающего новый свет на вещи, как необыкновенная ясность видения в состоянии вялости и апатии.

Но что я, собственно, знаю об их отношениях? Вероятно, все мои подозрения не более чем плод моего воображения.

Малин не узнает никого из водолазов, и слава богу. Хотя они, конечно, знают и кто она такая, и все про их отношения с Янне.

Лучше забыть о том, что произошло вчера, и, поблагодарив судьбу за этот случай, думать о жертве убийства в замковом рву: кто он был, как туда попал. Форс смотрит на водолазов в черных костюмах и желтых масках, медленно поднимающихся из воды на толстых канатах.

Карин стоит рядом с ней и Харри. Дождевые капли летят почти горизонтально и бьют в глаза. А вдали, у границы леса, в двухстах метрах за рощей, движутся низкие клубы тумана.

– Осторожно, – предупреждает Карин водолазов, приблизившихся к трупу. – Как можно аккуратнее.

Они закрепляют веревку вокруг тела и делают знак третьему участнику команды, стоящему с лебедкой на мосту, поднимая большой палец. Потом слышится звук работающей лебедки – и тело, осторожно придерживаемое водолазами, медленно ползет вверх.

– Чертово утро, – ворчит Харри.

Рядом стоит Свен Шёман в зеленом плаще. Даже он присоединился к ним сегодня.

– Что вы думаете обо всем этом?

– Вряд ли он прыгнул туда сам или свалился, – отвечает Малин. – Взрослые мужчины редко падают в воду, разве что совсем пьяные, или в случае сердечного приступа или чего-нибудь в этом роде.

– Что касается Петерссона, то ему было всего около сорока пяти. Это не возраст для сердечного приступа.

– Да, ему, конечно, кто-то помог.

– Скорее всего. Будем знать точно, как только трупом займется Карин.

Малин кивает.

– Если это Петерссон и он был убит, то все это дело – голубая мечта журналиста.

– Осторожно! – кричит Карин.

Тело, поворачиваясь, поднимается из воды и повисает, раскачиваясь, в воздухе. С желтой ткани дождевика, коричневых брюк и черных кожаных сапог капает вода, окрашенная в красный цвет.

Плащ изрешечен множеством дыр, и в нескольких крупных отверстиях сквозит израненное тело, вдоль которого тоненькими ручейками стекает кровь, смешиваясь с дождевыми струями. «Кровавый дождь, – думает Малин. – Нет, ты свалился туда не потому, что был пьян».

Маленькие серебристые рыбки, выпадающие изо рта жертвы, трепыхаются в воздухе, словно брошенные младенцы, на пути в родную стихию.

«Рыбки-змейки», – замечает про себя Малин.

Один черный глаз глядит куда-то в дождь и оседающий во рву туман, другой закрыт.

«Ты выглядишь удивленным, – думает Форс. – Хотя ты ли это?»

Я выгляжу удивленным?

Едва ли.

Вокруг меня больше нет воды.

Я больше не вспоминаю тебя, мама, вместо этого я вишу здесь, уставившись на ров, на замок, на незнакомых мне людей.

Я вижу Хови и слышу его лай, теперь еще более беспокойный. Замечает ли он дырки в моем теле? Я знаю, что их много, но я не чувствую боли, только ветер, проникающий внутрь меня.

Кто они, эти люди?

Чего они хотят от меня?

Или это русские солдаты, о которых рассказывает легенда?

Я медленно ползу вверх, навстречу жужжащему звуку, поворачиваюсь еще и еще раз, но не испытываю головокружения. И так я поднимаюсь на мост, поддерживаемый парой крепких рук, а потом медленно опускаюсь всем своим окровавленным, окоченевшим телом. Раздается звук, напоминающий шлепок по воде, – и вот я снова лежу на земле.

Подо мной черный пластик. Откуда я это знаю, если лежу на спине и ничего не вижу и не чувствую?

Но ведь это так?

А кто все эти люди, что стоят на краю рва и смотрят на меня?

У меня есть свои подозрения, но я не хочу верить в то, что они верны, что это в конце концов произошло. Я не могу с этим согласиться. Но что, если спорить бесполезно? И если это все-таки произошло, возникает много загадок, которые нужно будет разгадать.

Газонокосилка больше не гудит.

В поле моего зрения появляется женское лицо. Оно красиво.

А вот другая женщина.

Она могла бы быть красивой, но выглядит так, словно ей надо хорошенько выспаться. В ней не чувствуется желания жить.

Теперь они беседуют. Я совершенно не хочу слышать, о чем они говорят. Только не это.

– Это Петерссон, – говорит Карин. Она и Малин, сидя на корточках, осматривают тело, лежащее на мосту через ров. – Я узнаю его по фотографиям в «Коррен»[21] и деловых газетах Калле.

– Мы могли бы попросить кого-нибудь из арендаторов опознать его, – говорит Малин, – но я тоже узнаю́ его, так что в этом, собственно, нет необходимости.

Юханссон и Линдман ждут в полицейской машине. Их допросят обстоятельно, лишь только закончат с осмотром места преступления.

– Кроме ран на теле – по всей вероятности, ножевых, – у него большой синяк на затылке, – замечает Карин. – Все указывает на то, что на него набросились, вероятно, в порыве ярости. Вы можете исходить из того, что не он сам так изранил себя. Большего я здесь сказать не могу. Я должна забрать его в город, чтобы посмотреть, что еще можно извлечь из трупа. Обследовать землю не имеет смысла: дождь уничтожил все следы. Может быть, мне удастся найти кровь на гравии, но я в этом не уверена.

«Скорая помощь» только что прибыла.

За рулем Стиглунд, старый коллега Янне. Он радостно поприветствовал Форс и спросил, как дела у ее мужа. Она отвечала, что все в порядке.

Малин смотрит на тело.

Открытый глаз, синий, почти магический, как будто вот-вот готов выскочить наружу, и Малин чувствует, как к горлу подступает тошнота. Она хочет подняться, но вместо этого переводит взгляд на Харри.

– Что ты об этом думаешь?

– Кто-то в ярости ударил его ножом, потом стукнул по затылку и бросил в ров. Или наоборот.

– Отныне официально это расследование убийства, – объявляет Свен.

«Ярость, – думает Форс. – Я подняла руку на Янне. Черт, я была так зла, подумать только, если бы у меня в руке был нож… Но лучше об этом не думать».

– Мы должны обследовать машину, – говорит она, – землю вокруг, замок со всеми прилегающими строениями. Посмотрим, удастся ли нам найти следы борьбы или чего-нибудь еще. Или, может быть, орудие убийства. Нож, вероятно. А также камень или что-нибудь в этом роде.

– Так мы и сделаем, – соглашается Свен. – Нам надо собраться и провести что-то вроде организационной встречи, прежде чем приступим к работе. Надо допросить тех двоих, что нашли его. Позвоните всем. Карин, ты можешь найти для нас комнату в замке?

Та кивает.

На лесной поляне появляется автомобиль, еще одна сине-белая репортерская машина «Коррен».

«Пусть все идет своим чередом», – думает Малин, чувствуя, что ей становится совсем плохо и что-то сжимается внутри.

---

[21] «Коррен» – газета «Эстергёта корреспондентен».

Она шагает по гравию к воротам Скугсо и думает обо всех тех людях, прошедших здесь до нее за многие-многие годы существования замка. Испуганные и гордые, усталые или в состоянии того радостного возбуждения, причиной которого может быть только такая завидная собственность.

Теперь все они словно духи места, призраки, не желающие покидать эту землю ради небес.

Малин только что закрыла глаз Петерссона. Пусть успокоится, хватит ему глядеть на мир мертвым, холодным взглядом. «Достаточно того, что мы, живые, смотрим вокруг себя такими глазами», – думает она. А потом разглядывает его. Его непроницаемое лицо, обнаженные раны на довольно тренированном торсе. «Кем ты был? – спрашивает Малин. – Кем нужно быть, чтобы кончить так, как ты? Как это получилось? Кто это – он, она или они – впал в такую ярость, что снова и снова вонзал нож в твою еще живую плоть?»

Потом она обошла вокруг замка и отыскала маленькую часовню на заднем дворе, дверь была лишь прикрыта. Малин заглянула вовнутрь. В центре комнаты, имеющей форму восьмиугольника, она увидела каменное возвышение и решила, что это есть не что иное, как фамильная усыпальница Фогельшё. Со стен на нее смотрели иконы, порядка двух десятков. Золото, обрамляющее фигуры Христа, выглядело как попытка бросить вызов мраку времени, доказать, что прекрасное возможно несмотря ни на что.

По другую сторону замка стояли два больших красных трактора-газонокосилки марки «Стига», умолкшие, похоже, навсегда и, по всей видимости, уже лишенные своих ножей.

Малин поднимается по замковой лестнице, вдыхая утренний воздух. У нее хорошее настроение, несмотря на то, что ее подташнивает. И поэтому ей стыдно.

«Наверное, надо стыдиться всех своих чувств, – думает Форс. – Не этот ли стыд и стал причиной твоей смерти, Йерри? Чего же ты стыдился в таком случае, если ты хоть когда-нибудь испытывал это чувство? Быть может, надо совершенно не знать, что такое стыд, чтобы владеть замком и жить в нем?»

Гигантская люстра в вестибюле кажется одинокой. «Словно ожидает, когда ее зажгут», – говорит про себя Форс. На стене висит полотно. Мужчина, женщина и немного солнцезащитного крема на спине. Любовь? Может быть. Скрытое насилие? Определенно.

«Наверняка эта картина стоит целое состояние», – замечает про себя Малин.

Бормотание.

Вопросы.

Не думайте, что я на них отвечу. Должны же вы как-то отрабатывать свою зарплату?

Щелкают камеры, чтобы увековечить меня, ушедшего в вечность.

Я не в состоянии пошевелиться, но в то же время, видел, как Малин Форс только что разглядывала мою коллекцию икон.

Я мог бы, вероятно, пошутить над всем этим. Поиграть с правосудием, как не раз это делал раньше. Но как? В моем теле полно дыр. Здесь что-то не так. Здесь что-то не так.

Помогите! Помогите мне!

Малин Форс, я никогда не испытывал такого страха, он для меня в новинку.

Только ты можешь забрать меня отсюда, Малин, ведь так?

Только ты можешь заглушить этот страх, от которого я так отчаянно пытаюсь убежать. От которого ты сама пытаешься скрыться, не так ли?

11

На длинной стене библиотеки большая черно-белая фотография: силуэты на качелях. Создается впечатление, что люди вышли за пределы изображения, оставив только собственные тени. Малин не знает автора, но эта фотография кажется ей дорогим произведением элитарного искусства.

Потолки верных десять метров в высоту.

Карин Юханнисон с двумя вновь прибывшими коллегами осмотрела комнату и не обнаружила ничего достойного внимания. А сейчас они проведут здесь собрание.

На стенах, покрытых темными деревянными панелями, множество вместительных пустых книжных полок. Раньше здесь, скорее всего, во множестве стояли книги на французском языке. Авторы? Едва ли Руссо. Наверняка Шекспир.

Свен Шёман расположился в изогнутом белом кресле посредине комнаты. «Он выглядит исхудавшим и усталым, – замечает про себя Малин. – Но как в таком случае выгляжу я сама?»

Харри садится на угловатый стул современного дизайна по другую сторону изящного металлического столика. Он снял с себя куртку, а на его обритой голове все еще блестят дождевые капли. Даже Вальдемар Экенберг здесь, устроился на диване, где еще осталось место для Малин. Он пахнет табаком, его глаза кажутся темными в полумраке библиотеки, а длинные тонкие ноги почти утонули в коричневой ткани всегда слишком просторных габардиновых брюк.

– Садись, Малин, – Свен показывает на место рядом с Вальдемаром. – Только сними мокрую куртку.

Сними куртку. Мне, что, пять лет?

– Разумеется, я сниму куртку, – раздраженно отвечает Форс, и Свен будто удивляется ее злобе.

– Малин, я не имел в виду ничего плохого.

Она снимает куртку, опускается на диван рядом с Вальдемаром, и запах табака, распространяемый его одеждой, вызывает в ней новый приступ тошноты.

– Йерри Петерссон, – начинает Свен, – был убит кем-то в приступе ярости. Мы будем исходить из этого, пока не узнаем конкретную причину смерти из рапорта Карин. И это первое собрание нашей группы розыска, хоть и наспех организованное, посвященное предварительному расследованию убийства Йерри Петерссона.

Тишина. Ощущение важности момента, концентрация внимания, сосредоточенность – чувства, с которых начинается любое расследование убийства. А еще понимание того, что надо спешить, как можно быстрее прийти к чему-нибудь, потому что вероятность раскрытия преступления падает с каждым днем работы разыскной группы.

– Я попросил навести справки в участке, – продолжает Шёман. – Йерри Петерссон родился в 1965 году и имеет, насколько нам удалось выяснить, только одного близкого родственника – отца, проживающего в доме престарелых в районе Олерюд. Священник и куратор социальной службы уже отправились известить его. В свое время и мы поговорим с ним. Он стар.

Ёте Линдман и Ингмар Юханссон только что опознали Йерри на мосту через ров. Они не сомневались, и оба оставались на удивление спокойными.

– С чего нам начать, какие есть идеи? – спрашивает Свен.

В голосе его слышится заинтересованность, тон откровенно вопросительный, но Малин знает, что сейчас он снова возьмет слово.

– О'кей, – продолжает Свен. – Что же мы еще знаем о Йерри Петерссоне?

– Адвокат, родом из этих мест, – отвечает Харри. – Учился в Лунде, но работал в Стокгольме. Сделал себе состояние и вернулся домой, когда представилась возможность купить Скугсо у семьи Фогельшё. В «Коррен» писали, что те разорились и были вынуждены продать замок. Автор статьи намекал также на сомнительные аферы, в которых участвовал Йерри Петерссон.

– Я тоже читала, – добавляет Малин, вспоминая, что статью написал Даниэль Хёгфельдт. – Ему надо было иметь значительный капитал, чтобы купить это. И мне приходит в голову, как же тяжело, должно быть, перенесли Фогельшё продажу своего замка. Ведь семья проживала здесь почти пятьсот лет.

«Фогельшё, – думает она. – Один из самых известных дворянских родов в лене. О таких семьях знают все, не задаваясь вопросом почему».

– Мы еще побеседуем с Фогельшё об их делах и обстоятельствах продажи, – говорит комиссар. – Выясните, кого именно из членов семьи это коснулось.

– Семья состоит из отца и двух его детей, сына и дочери, насколько мне известно, – уточняет Харри.

– Откуда ты это знаешь? – спрашивает его Малин.

– Об этом тоже было в «Коррен». В заметке по случаю семидесятилетия старика.

– А как зовут детей?

– Ни малейшего понятия.

– Но ведь это легко выяснить, – подает голос Вальдемар.

– Разделите допросы между собой, – распоряжается Свен. – Принимайтесь как можно скорее. Я прослежу за обходом домов в окрестностях и за публикацией в местной прессе объявления о том, что мы ищем всех, кто столкнулся здесь с чем-нибудь необычным за последние сутки.

– Если он действительно был богат, – добавляет Малин, – это могло быть убийство с целью ограбления. Кто-то услышал, что в замке поселился новый богач, и решил нанести ему визит.

– Возможно, – отвечает Свен. – Ведь замковые ворота были открыты. Но насколько мы успели заметить, ничего не пропало. И Карин нашла бумажник в его желтом плаще. Ножевые ранения на теле свидетельствуют о сильном приступе ярости, что редко встречается в случае грабежа.

– Нет, мне кажется, что это не грабеж и не кража. Здесь что-то другое, – говорит Малин.

– А его деловые отношения? – спрашивает Харри. – Судя по слухам, он не отличался порядочностью, и в таком случае сотни людей могли иметь основания желать ему зла, проклинать его.

– Теперь это будет наша главная линия, – подхватывает Свен. – Мы должны поискать здесь, в доме, документы и другие записи, касающиеся его афер, которые могли бы повести нас дальше. В чем именно он замешан? Кто его бывшие коллеги? Была ли у него фирма? Не получилось ли так, что под конец что-то там не заладилось? Мы должны основательно проверить все сведения о нем. Вероятно, это целая куча бумаг. Ты, Вальдемар, и Якобссон займетесь этим. Приступайте к поиску бумаг в замке сразу после того, как криминалисты управятся. Надо выяснить, не оставил Йерри чего-нибудь типа завещания. Кто унаследует все это? Не менее интересный вопрос.

– У Якобссона выходной, – напоминает Вальдемар.

– Позвони ему, – приказывает комиссар. – А вы, Форс и Мартинссон, допросите тех двоих, обнаруживших его.

Сначала они говорили с Ингмаром Юханссоном.

Арендатор потягивал кофе по другую сторону стола на замковой кухне, время от времени проводя рукой по своим светлым волосам, и рассказывал о том, как был поначалу встревожен появлением в замке нового хозяина, но совершенно успокоился, поговорив с Петерссоном.

– Он ничего не хотел менять с арендой.

– Совсем ничего? – уточняет Харри.

– Почти.

– Почти?

– Да, он хотел, чтобы мы помогали ему на охоте, когда потребуется.

– И вы согласились?

– Да, а почему бы и нет? Мне тоже невыгодно, чтобы земли, арендуемые мной, кишели зверьем.

– И как часто вы должны были это делать?

– Когда он позвонит.

– Но как часто?

– Он не говорил. Но когда он позвонил вчера, это был первый раз за долгое время.

– Вы не заметили ничего странного, когда приехали сюда? – Форс уже спрашивала об этом, лишь только прибыла в замок. Но она хочет выжать из Ингмара Юханссона правду и надавливает на него еще раз.

– Нет. Я приехал с Линдманом, а «Рендж Ровер» стоял на склоне холма. Я думал, что Йерри Петерссон в замке и скоро появится. Но он все не выходил, и мы пошли поискать его.

– Вы не встречали по дороге какой-нибудь автомобиль?

– Нет.

– Ворота были открыты?

– Вы уже спрашивали об этом. Да, иначе как бы мы вошли? Такие ворота не так-то легко открыть.

– А вы не появлялись здесь сегодня раньше? Может, ночью? – спрашивает Харри.

– Нет, зачем? – Лицо Ингмара Юханссона будто усыхает, губы сжимаются, и он смотрит на них подозрительно. – Спросите жену, если не верите мне. Весь вечер мы смотрели телевизор, а потом легли спать. Утром она приготовила мне завтрак.

– Можете ли вы сообщить о Йерри Петерссоне что-нибудь еще, что могло бы быть интересно нам? – задает вопрос Малин.

– Нет, ничего.

– Вам нечего сказать о его делах?

– Нечего.

– Он жил здесь один?

– Да, насколько я знаю. У него не было прислуги. Я слышал, он нанимал рабочих, когда было нужно.

Ингмар Юханссон придает своему лицу выражение, которое должно означать: «Ну хватит вопросов. Я уже все сказал».

– Теперь вы можете идти, – устало произносит Малин. – Но не исчезайте, будьте готовы к новым вопросам.

– У вас есть номер моего мобильного, – Юханссон поднимается.

«Ёте Линдман – одинокий человек», – думает Малин, разглядывая лицо сидящего напротив нее мужчины на фоне белого кафеля.

Одинокий крестьянин, вероятно, он чувствует себя комфортно, только когда работает на комбайне или возится с животными, если таковые у него есть. Женщина, о которой он говорит, Светлана, похоже, скорее мебель в его доме, чем подруга жизни. Линдман рассказал им почти то же, что и Юханссон: как Йерри вызвал их сюда на охоту и что это было неофициальным

пунктом соглашения с новым хозяином замка. Добавил, что он, Ёте Линдман, ничего не имел против, поскольку сам всегда выходил на охоту осенью, и это было неотъемлемой частью его фермерских работ.

– Петерссон производил впечатление порядочного человека, – с уверенностью утверждает Ёте Линдман, а потом продолжает: – Печально, что мы нашли его в замковом рву в таком виде. Все было бы хорошо, я уверен в этом. Фогельшё был неприятный тип.

– Кто именно из них? – спрашивает Харри.

– Мы имели дело со стариком, Акселем.

– В каком смысле неприятный? – уточняет Малин.

– Его характер, и потом… он всегда давал понять, кто в доме хозяин, я бы так сказал.

Ёте Линдман умолкает, качает головой, и в его глазах вдруг мелькает испуганное выражение.

– Каким образом он давал вам это понять? – спрашивает Малин.

– К примеру, вдруг резко повышал арендную плату, – быстро отвечает Ёте Линдман.

Малин кивает. Современные дворяне. Все то же самодурство и давление на арендаторов, что и раньше. Но с другой стороны, есть люди, недовольные любой властью.

– Что вы знаете о Петерссоне?

– Не более того, что он вырос в городе и делал бабки в Стокгольме.

– Вы знаете, как он зарабатывал деньги? – спрашивает Харри.

Линдман качает головой.

– Не знаю.

– Он жил здесь один?

– С собакой, насколько мне известно. Что с ней теперь будет?

– Мы позаботимся о ней, – отвечает Малин, отмечая про себя, что понятия не имеет, что делать с собакой, которая до сих пор лает в машине.

Потом следуют вопросы о том, не заметил ли он чего-нибудь необычного по дороге сюда, не встретил ли какой-нибудь машины, не стоял ли на склоне замкового холма «Рендж Ровер», когда он прибыл, не подозревает ли он кого-нибудь и что он сам делал сегодняшней ночью и рано утром. «Я не имею ни малейшего понятия о том, кто бы мог сделать это». «Я был дома. Спросите Светлану». «Вы же не думаете, что это я убил Петерссона? Тогда бы я вряд ли позвонил вам».

– Мы не думаем, что вы каким-то образом причастны к убийству Йерри Петерссона, если это действительно убийство, – отвечает Малин, – но мы должны спросить, чтобы расследовать все возможные варианты и отмести невозможные.

Малин и Харри одни на кухне.

Белый кафель на стенах напоминает женщине о бойне или морге, а туман снаружи, в лесу и на полях, похож на пороховой дым сражений XVII века. Кровь и крики. Отрубленные конечности. Тлен и склизкие грибы под ногами. Люди без рук в серном дыму. Подожженная солома. Безногие калеки, дети с отрубленными ушами. Примерно то же, что Янне видел в Руанде.

– Как ты думаешь, почему дверь была не заперта? – спрашивает Малин. – Ведь у него здесь одних произведений искусства на миллионы.

– Может, он увидел кого-нибудь, кто поднялся на замковый холм, вышел навстречу и не запер за собой ворота? Это вполне естественно.

– Или решил прокатиться, прогуляться на автомобиле и забыл запереть.

– Или он был из тех рисковых типов, – высказывает предположение Харри, – не утруждающих себя запиранием ворот, просто чтобы немного пощекотать себе нервы.

– Или он жил не один. Кто-то, возможно, оставался в замке, когда он выехал.

– Женщина?

– Почему бы и нет? Ведь это очень странно, что он находился в этом склепе, в глуши и совершенно один.

– Но все говорят именно об этом. Может, он любил одиночество?

– Ты слышишь собаку? – спрашивает Харри, выдержав паузу.

– Нет. Но ей надо дать воды.

Полицейский кивает.

– Что мы будем с ней делать? – спрашивает Малин.

– Отвезем в приют в Слаку[22].

– Или к Бёрье Сверду. У него же псарня дома.

– Думаешь, он возьмет?

Малин вспоминает Бёрье Сверда и его жену Анну, их со вкусом обставленную квартиру и аппарат искусственного дыхания.

Анна – хороший человек в плохом теле.

Форс оглядывает кухню в замке: она раза в три больше всей ее квартиры.

– Мы должны больше узнать о Петерссоне, – говорит она и думает: «Сейчас мы блуждаем, словно в осеннем тумане. Но одно несомненно: он сделал то, что мне так и не удалось: уехал из этого проклятого Линчёпинга. Но почему, почему, почему он вернулся? Какой внутренний голос позвал его сюда?»

– Как ты думаешь, кем он был? – спрашивает она.

Харри пожимает плечами, а Малин задается вопросом о том, какие сны и желания должен был иметь такой человек, как Йерри Петерссон? Чему он радовался, какие боли терзали его?

[22] Слака – поселок близ Линчёпинга.

12

Что ты хочешь знать обо мне, Малин Форс?

Я могу рассказать о себе все, если ты будешь достаточно внимательна. Я знаю, ты различаешь голоса, не различаемые другими, то беззвучное бормотание, являющееся мудростью, а может, и истиной.

Я не жесток. И никогда не был таким. Но, тем не менее, я верил в жестокость, видел, что она дает мне. Конечно, это делало меня одиноким, но я предпочитал думать, что мое одиночество – это мой личный выбор.

Мне никто не нужен. Я не могу ни с кем жить. Я не боюсь одиночества.

Так я воображал себе.

И вот автомобильная дверца захлопнулась.

А теперь над моим лицом застегнули «молнию», и в одну секунду все потемнело. Но потом мир снова распахнулся передо мной. Несложный и красивый, такой, каким он никогда раньше не был, и я вдруг почувствовал, что моя вера в жестокость была ошибкой.

Я ошибался, подумал я. Ты ошибался, Йерри Петерссон.

И вот мы мчимся вперед, «Скорая» и я, проклинающий самого себя, лежащего в черном пластике на койке и то и дело подскакивающего в такт колесам, катящимся по усыпанной гравием дороге, ведущей в лес.

Я здесь, внутри. В черном и холодном пластике.

Я здесь, наверху. Высоко в небе, и гляжу отсюда на Скугсо, на Малин Форс и Сакариаса Мартинссона. Полицейские, съежившись, пересекают замковый холм и направляются к автомобилю Малин. Там Хови, он уже перестал лаять и высунул от жажды язык.

Я вижу старика Фогельшё в своей квартире.

Что ждет этих людей, всех вместе и каждого в отдельности?

Я могу узнать, если захочу.

Но вместо этого я ускользаю в иные пространства, вижу себя самого, путешествующего, почти как сейчас и в то же время совсем по-другому: тело на носилках, а в нем боль, которой я не чувствую в своем настоящем.

13

Линчёпинг, Берга, 1972 год и далее

Каждый раз, чувствуя боль, мальчик удивляется, а это происходит, когда машина «Скорой помощи» накреняется по какой-либо причине. Тогда его сломанная голень с наспех наложенной шиной стукается о край носилок, доводя до его сознания, что у него есть память, а это не всегда хорошо. Именно память сейчас причина его боли, более сильной, чем та, которую он когда-либо испытывал в жизни, и он осознает это. Эта новая боль есть сумма всех его прошлых страданий, и он вдруг понимает свою мать, но отец остается для него загадкой, потому что терзания души постичь невозможно.

Ни отец, ни мать не поехали с ним на «Скорой помощи». Он видит, как его собственное беспокойство отражается на лице приветливого человека, сидящего рядом с ним и гладящего его по волосам и повторяющего, что все будет хорошо. В тот июньский день открылась экологическая конференция ООН, первая в своем роде, а на Юго-Восточную Азию продолжали сыпаться бомбы.

В доме в Берге нет лифта. Их квартира находится на втором этаже, и мальчик знает, что маме тяжело подниматься по лестнице, что ей больно, всегда больно. Но ему неизвестно, что ее коленные суставы давно уже заблокированы ревматизмом, что она уже просила докторов местной больницы увеличить дозу кортизона, но они отказали ей. «Терпите, – ответили они. – Мы ничем не можем помочь».

Она так устает, что ничего не в силах сделать для него за те несколько часов после того, как бабушка забирает его из школы, и до того, как отец возвращается после смены в монтировочном цеху.

Мальчик идет, как по канату, по узким перилам балкона, а розовая клумба внизу, на расстоянии пяти метров, выглядит мягкой, со всеми своими цветами, красными и розовыми, пылающими на фоне фланкирующих ее фасадов постройки пятидесятых годов, на фоне неухоженного газона. Работники парка обыкновенно отдыхают на нем за своим утренним «Пилснером», передавая по кругу бутылку.

Он не боится. Стоит испугаться – упадешь.

Мать зовет мальчика из кухни, слишком усталая, чтобы подняться со своего стула, который с трудом подтащила к плите, где доспевает гороховый суп, мясо с укропом или голубцы. Она кричит с беспокойством и даже со злобой: «Сойди с перил! Ты разобьешься насмерть!»

Но мальчик знает, что он не разобьется насмерть и не упадет.

«Я расскажу папе, он задаст тебе трепку, когда вернется».

Но папа никогда не задает сыну трепку, даже пьяный, потому что тогда тот легко может от него убежать. Вместо этого, когда он трезвый, закрывается с мальчиком в спальне и *шепотом* велит ему кричать, как будто его бьют. И это их общая тайна.

Во дворе, в песочнице сидят двое ребят, а старшая сестра Йоййе качается на единственных целых качелях. Все трое смотрят на него без страха, с уверенностью, что ему удастся дойти до конца.

Но тут в квартире звонит телефон. Мальчик хочет ответить, как обычно, и забывает, что стоит на перилах. Верхняя часть тела наклоняется сначала в одну, потом в другую сторону. Он думает о том, что, может, это звонит бабушка, собиравшаяся взять его в деревню на выходные, да так и не вспомнившая об этом. И вот узкие перила выскальзывают из-под его ног.

Мальчик слышит, как кричит мама, а потом сестра Йоййе. Потом видит дом и синее небо начала лета. Потом розовые кусты врезаются в тело, он чувствует, что сильно ударился ногой – и боль обжигает его. Он пробует пошевелиться, но ничего не выходит.

И вот последствия.

Доктор накладывает гипс до самого бедра, чтобы он не мог пошевелиться, и увеличивает маме дозу кортизона, чтобы она заботилась о нем. Папа достает из подвала детскую коляску, чтобы возить мальчика в магазин «Консум», в центр, а люди вокруг глазеют на него, как на младенца.

После гипса он бегает быстрей, чем раньше.

Теперь он знает, что означают эти пакеты. Держится подальше, когда они появляются, и сердитые слова отца все реже и реже достигают его ушей. Он, Йерри, на сотню шагов впереди всех. Тем не менее время от времени он ищет объятий отца, хотя знает, что они могут сомкнуться вокруг него, словно волчьи челюсти, что сильные папины пальцы могут быть похожими на лезвия газонокосилки, вонзающиеся в его тело, что его слова могут резать, будто отточенная бритва: «Ты, как видно, ни на что не годишься, мальчик».

В самом конце лета, в самые последние для него недели в детском саду ему предстоит пройти тест.

Вспомни, чего не хватает на картинке? Как связаны между собой эти предметы? И вот он понимает, что значит «быть годным» и какое восхищение вызывает у людей тот, кто неожиданно оказывается таковым. Но взгляд, огромные, как глыбы, глаза, – по-прежнему непревзойденное средство получить то, что хочешь.

Фрёкен видела результаты теста в детском саду. Она с надеждой в голосе называет его имя в первый день школьных занятий. Но потом, прочитав в документах его адрес, разочаровывается, и плечи ее опускаются. Каких только проблем не сулит мальчик из Берги, да еще с головой!

Он считает быстрее всех, пишет лучше всех. У него самая высокая скорость чтения. Он тянет руку, когда никто больше не знает ответа. В то же время мальчик видит, что вызывает у фрёкен отвращение, хотя и не понимает почему. Ведь он не замечает грязных пятен на своей одежде, немытых ушей, слишком длинных и нечесаных волос, дырок на рубашке. Но он пускает в ход свои глаза, и что-то происходит на третий год. Она становится его защитником, берет его под опеку, понимает, кто он есть на самом деле и кем может быть.

Вечерами он пропадает на улице. Потом тайком проникает в дом, но иногда папа не спит.

И он делает то, что его папа, быть может, хотел бы делать по вечерам, вволю напившись вина и пива, но никогда не решается: он бьет, когда считает, что это нужно. Он бьет тех, кто становится у него на пути. Он бьет ректора – и мама с бабушкой находят в себе силы прийти в школу.

И он продолжает учиться в своем классе.

«Огромный талант», – говорит фрёкен.

Мальчик бьет, когда никто не видит, выбивает из себя все чувства, те безымянные чувства, которые никуда не ведут, а только водят по кругу: двор в Берге, начальная школа в Онестаде[23], квартира – две комнаты с кухней и бабушкин дом, так на нее не похожий. И быстрые ноги беспокойно барабанят по земле, словно спрашивая: для чего он, этот мир, нужен?

[23] Онестад – район Линчёпинга.

14

«Скорая» с изрешеченным телом Йерри Петерссона медленно движется в сторону леса, словно стараясь не разбудить или не потревожить мертвеца. Собака в машине лает ей вслед, прыгая на стекло.

Стоя на склоне замкового холма, Малин Форс видит, как раскачиваются на ветру зеленые фонари, как их напоминающий о лесе свет добавляет этому серому дню мрачности. На поляне в кучах перегноя то тут то там мелькают яркие осенние листья, словно сложенные бумажки с красочными детскими рисунками. А голые кроны возвышающихся над холмами деревьев, кажется, с любопытством смотрят удивительный спектакль сегодняшнего дня и машут ветвями под порывами ветра, будто прощаясь.

Вопросы те же, что и всегда в начале расследования. Малин задает их себе и знает, что это же делают и другие члены разыскной группы.

Как разобраться во всем этом?

Что случилось?

Кем ты был, Йерри Петерссон? Ответ на вопрос, откуда явилось насилие, всегда надо искать в жизни убитого и в его смерти. Что за механизм запустило в движение его возвращение в эти места? Он прожил здесь целый год, но порой зло пробуждается медленно.

И вот, кажется, лес перед ней расступается, деревья расходятся, и зияющая пустота между стволами наполняется мраком, кишащим бесформенными существами. Малин слышится голос: «Я буду летать здесь тысячи лет, я буду господином над этими землями».

«Спаси меня! Я очень виноват, но спаси меня, дай мне прощение!»

А потом тот же голос спрашивает шепотом: «Почему я стал тем, кем я стал?»

Женщине видятся бледно-желтые змееныши, извивающиеся у нее под ногами. Она топчет их, но они не исчезают.

Малин зажмуривает и снова открывает глаза.

Змееныши и существа пропадают. Обычный осенний лес, удручающе серый. Под ногами гравий. Что это было? Тем не менее она не чувствует страха. «Я схожу с ума или просто слишком много пью и нервничаю?» – спрашивает себя Малин. А потом она думает о том, что здесь всего лишь несколько часов назад один человек в ярости зарезал другого.

Кто-то убил Йерри Петерссона.

Она снова включает мобильник, выключенный, как только она оказалась здесь. Два пропущенных звонка, оба от Туве, но сообщений нет. Я должна, должна перезвонить ей сейчас же.

Собака замолчала. Должно быть, легла на заднем сиденье.

– Малин, Малин!

Она узнает голос Даниэля Хёгфельдта. Он зовет ее с водительского места репортерского автомобиля «Коррен».

Ей хочется показать ему средний палец, но вместо этого она кивает ему.

– Что ты можешь мне предложить? – У него живой, заинтересованный голос.

– Забудь об этом, – отвечает Малин.

– Ведь он убит, так? И это Петерссон.

– Ты узнаешь об этом позже. Карим наверняка соберет пресс-конференцию.

– Ну пока, Малин!

Женщина кивает, а Даниэль улыбается, тепло и приветливо. Именно той улыбкой, какая ей сейчас нужна. Это так заметно?

Даниэль написал статью о Йерри Петерссоне. Может, он что-нибудь еще знает? Но я не буду спрашивать его сейчас, мне нужно многое проверить.

Когда Малин переехала к Янне, она думала, что любовных свиданий с Даниэлем больше не будет. Он позвонил ей однажды вечером, когда она садилась в машину, чтобы отправиться домой после тренажерного зала в подвале полицейского участка, где выжала из себя все соки и тем не менее чувствовала, что телу этого недостаточно, чтобы успокоиться.

– Ты можешь приехать?

Через десять минут она лежала голая в его постели в квартире на Линнегатан.

Они не сказали друг другу ни слова. Ни в тот раз, ни в следующий, ни потом. Он просто брал ее с той силой, на какую было способно его тело, а она отдавалась ему. А потом они оба кричали и смотрели друг на друга, словно спрашивая: что это такое? Что мы делаем? Чего нам не хватает?

Даниэль Хёгфельдт глядит на Малин и волей-неволей задается вопросом: почему она такая измотанная? Настолько измотанная, что еще чуть-чуть, и она потеряет всю свою сексуальность.

Он хотел, чтобы она видела в нем нечто большее, чем просто тело, но, кажется, напрасно. Похоже, Малин плохо думает о нем, полагая, что ему нужна только информация о расследовании. На самом деле он хочет быть ближе к ней.

«Она снова съехалась со своим бывшим мужем. Но хорошо ли им вместе, если ей по-прежнему нужен я? Совершенно очевидно, что она плохо себя чувствует. Но стоит мне только попытаться что-нибудь сказать, как она тут же развернется на сто восемьдесят градусов и уйдет под любым предлогом».

Даниэль откидывается на сиденье. Видит, как лысый полицейский, которого, насколько ему известно, зовут Харри, подходит к Малин.

Даниэль закрывает глаза. Он готов разыгрывать из себя отчаянного репортера, когда хочет выжать из других то, что ему нужно.

Малин и Харри приближаются к автомобилю, и собака поднимается на заднем сиденье. Она бросает нетерпеливый взгляд на миску с водой в руке Харри, виляя обрубком купированного хвоста. Но стоит им открыть дверь, как собака спрыгивает со своего места, садится на пол за водительским сиденьем и как будто чего-то ждет. Харри ставит перед ней миску, и она принимается громко лакать.

– Мы отвезем ее Бёрье, – говорит Малин.

– О’кей, – соглашается Харри.

Он садится за руль, а Малин устраивается рядом.

Собака скулит сзади.

Малин вспоминает обнаженное тело Даниэля Хёгфельдта.

«Чего мне не хватает?» – спрашивает себя она.

На краю дороги, ведущей к Скугсо, неподалеку от поворота на Линчёпинг, стоит дом, выкрашенный красной фалу[24]. Лес и пашня вокруг напоминают большой сад. Малин и Харри останавливаются здесь на пути в город: внутренний голос говорит Малин, что они должны побеседовать с тем, кто живет в этом доме, что это дело не стоит доверять полицейским в форме.

– С собакой все будет в порядке.

[24] Фалу – натуральная шведская краска, применяющаяся обычно при окраске деревянных построек. Состоит из пигмента, образованного в результате минерализации медного рудника в Фалуне (Швеция). Наиболее распространенный цвет – темно-красный.

Форс подносит к двери сжатую в кулак руку. Но прежде чем рука успевает достигнуть своей цели, дверь открывается.

Малин отскакивает назад, Харри бросается в сторону. Они видят направленное прямо на них дуло охотничьего ружья, его держит в руках низенькая седая старушка.

– Ну и кто вы? – кряхтит она.

Малин продолжает пятиться, замечая краем глаза, как Харри нащупывает свое оружие.

– Тихо, тихо, – успокаивает старушку женщина. – Мы из полиции. Позвольте, я достану свое удостоверение.

Старушка смотрит на Малин и, похоже, узнает ее.

– Вас я видела в выпуске новостей, – говорит она, опуская ружье. – Входите. Прошу простить меня, никогда не знаешь, с кем столкнешься в этих краях.

В автомобиле снова залаяла собака.

– Верхнюю одежду снимите в прихожей. Кофе? Сейчас время обеда, но мне нечего предложить вам.

Хозяйка, назвавшаяся Линнеей Шёстедт, приглашает их пройти на кухню.

«Глядя на нее, я чувствую себя просто развалиной», – думает Малин, у которой при упоминании об обеде к горлу подступает тошнота.

Старуха кладет ружье на деревенский стол, стоящий на желто-зеленом, очевидно домотканом, тряпичном коврике. Старая плита из Хюскварны[25]. На стенах коллекционные тарелки.

Запах старости, кисловатый, но не сказать что слишком неприятный, и острое чувство того, что время всегда возьмет свое, как бы человек ему ни сопротивлялся.

– Присаживайтесь.

Старуха уже забыла об инциденте с оружием, но у Малин в жилах все еще пульсирует адреналин, а одежда Харри до сих пор мокрая от травы, в которую он упал при виде направленного на него дула. Они смотрят, как Линнея ставит на огонь старый кофейник и достает чашки с голубыми цветочками.

– Вам не следует встречать людей с оружием в руках, – замечает Харри, усаживаясь за стол.

– Я уже сказала: никогда не знаешь, с кем столкнешься.

Малин устраивается на неудобном деревянном стуле.

– Вы имеете в виду что-то конкретное? – уточняет она.

– Кто знает, на что способны злые люди. Ведь что-то уже, должно быть, случилось, раз вы здесь.

– Да, – отвечает Малин. – Йерри Петерссон, новый хозяин Скугсо, найден мертвым.

Линнея Шёстедт кивает.

– Убит?

– Скорее всего, – отвечает Харри.

– Я не удивлена, – говорит старуха, разливая кофе. – У меня нет никакого хлеба, я толстею от него, – добавляет она.

– И вот нас интересует, не заметили ли вы чего-нибудь необычного вчера, нынешней ночью или сегодня утром?

– Утром, – отвечает Линнея, – я видела, как Линдман и Юханссон проезжали в сторону замка. Где-то в половине восьмого.

Малин кивает.

– И больше ничего?

[25] Хюскварна – пригород города Йончёпинга. Известен своим металлургическим заводом, основанным еще в 1689 году и производящим самую разнообразную технику.

Малин делает глоток кофе, натурального и такого крепкого, что волосы на затылке встают дыбом.

– Старый человек, вроде меня, – продолжает Линнея Шёстедт, – не всегда уверен в том, что то, что он видел или чувствовал, действительно происходило, а не пригрезилось ему. Насчет Юханссона и Линдмана я знаю точно, потому что тогда я пила свою первую чашку кофе. Но что касается того, что я видела до этого, не совсем…

– То есть вы что-то видели и до этого, Линнея?

Малин изо всех сил старается выглядеть серьезной, как будто придает виденьям старухи большое значение.

– Мне показалось, я видела черный автомобиль, направлявшийся к замку, лишь только начало светать. Но я не уверена. Иногда мне снится, что я поднимаюсь с постели. Может, так оно было и на этот раз.

– Черный автомобиль?

Линнея Шёстедт кивает.

– Какой именно? Марка?

– Кажется, «Универсал». Он был большой. Я никогда не интересовалась марками автомобилей.

– Вы арендуете землю у замка? – спрашивает Малин.

– Нет, слава богу. Мой отец выкупил дом у Фогельшё в пятидесятые годы. Я переехала сюда двадцать лет назад, когда он умер.

– Что вы знаете о Петерссоне?

– Он здоровался, завидев меня. Приятный молодой человек, даже если он не всегда бывал таким. Я слышала о его делах с тем Гольдманом и о прочем…

– Гольдманом?

– Да, Йохеном Гольдманом. Тем, который надул то финансовое предприятие в Стокгольме на многие сотни миллионов, а потом уехал за границу. У них вроде были какие-то совместные дела, я читала об этом в Сети. А вы ничего не знаете, констебли? Этот Гольдман, должно быть, жуткий тип.

– Жуткий? – переспрашивает Малин.

Линнея Шёстедт не отвечает, только едва заметно качает головой.

«Обидно, – думает Форс, – когда тебя обскакивает восьмидесятилетняя дама». Конечно, Гольдман фигурировал в той статье Даниэля Хёгфельдта, но в ней речь прежде всего шла о Петерссоне, о его планах на замок и о том, что он, можно сказать, выгнал Фогельшё из их родового гнезда.

Тем не менее Малин запомнила имя Йохена Гольдмана и то, что он надул котирующееся на бирже предприятие при помощи одного французского графа; что скрывался за границей в течение десяти лет, пока не истек срок давности его преступления, снискал внимание средств массовой информации и издавал книги о своей жизни в изгнании. И никто на их встрече в замке не придал значения связи между финансовым мошенником и убитым.

Странно. Хотя, вероятно, расследование сейчас только набирает обороты, и пути его пока туманны, как осенний пейзаж за окном.

– Что вы делали сегодняшней ночью? – спрашивает Малин с раздражением в голосе.

– Инспектор полагает, что я причастна к смерти Петерссона?

– Я ничего не полагаю, – говорит Малин. – Просто ответьте на мой вопрос, будьте добры.

– Я вернулась домой на такси из Линчёпинга часа в четыре утра, вы можете это проверить. Ночью я была у Антона, моего любовника из Валлы[26]. Я дам вам его телефон.

[26] Валла – район Линчёпинга.

– Спасибо, – говорит Харри, – но это вряд ли пригодится. Вам больше нечего нам сообщить?

Старуха щурит глаза. Открывает рот, словно хочет что-то сказать, но не говорит ни слова.

Харри собирается заводить машину. Он только что приласкал собаку, поговорил с ней, успокоил, после чего она снова улеглась на пол. Кажется, ей не доставляет удовольствия смотреть в окно на леса и пастбища.

«Мой мозг плохо работает, – думает Малин. – Он хочет спирта».

Гольдман причастен к крупнейшему финансовому скандалу в истории страны, и ему удавалось скрываться, пока не истек срок давности преступления. И с этим типом у Петерссона были дела. Коллегам предстоит многое проверить, в комнатах замка горы бумаг, а когда речь идет о расследовании убийства, полицейские могут брать все, что им требуется, и не спрашивать никакого разрешения. С кем мог еще быть связан Йерри Петерссон, если он имел дело с Гольдманом?

Малин смотрит на подернутые туманом поля, леса и дорогу. Тысячи переходящих друг в друга оттенков серого цвета. Ветер достаточно сильный, и намокшие листья кружат над черно-зеленой землей, словно тяжелые хлопья медного цвета, блуждают туда-сюда, похожие на металлические звезды на фоне слишком низкого неба. А поодаль, на склоне холма, темно-красная листва лежит рядами, напоминая кровавые ручейки на теле Йерри Петерссона.

Нужно перезвонить Туве.

Малин пытается зафиксировать взгляд, но у нее все плывет перед глазами. Она не хочет смотреть на свое опухшее лицо в зеркальце заднего вида и думать о том, почему она так выглядит, отводит взгляд от своих горящих от стыда щек, мелких морщинок на лице. Автомобиль, кажется, куда-то падает. Ей трудно дышать, хочется выброситься наружу. Туве, Янне, сможете ли вы когда-нибудь простить меня?

Ад.

Дайте же мне пить. Сейчас же. Меня прошиб пот. Я знаю, что я должна делать, но не могу, ни черта не могу…

– С тобой все в порядке? – спрашивает Харри.

– Вполне, – отвечает она, направляя свои мысли в русло спасительного для нее расследования.

Черный автомобиль во сне? Линдмана? Юханссона? Но что они делали там в это время?

Йохен Гольдман.

Вся семья Фогельшё.

Жадная до денег публика.

Кто из них хуже?

15

Одна только мысль о том, что им предстоит пересмотреть все эти бумаги, вызывает в Юхане Якобссоне раздражение. Сколько папок они уже перенесли в эту комнату? Двести? Триста? Его светло-голубая рубашка в грязно-серых пятнах. Он озирает зал заседаний полицейского участка, до сих пор ощущая во рту вкус мяса под соусом, которым не так давно пообедал.

Эта комната без окон с желто-серыми тканными обоями и консольными полками на стенах будет их штаб-квартирой в расследовании убийства Йерри Петерссона.

Два жестких диска.

Вся его успешная профессиональная карьера свалена в кучу в чулане полицейского участка.

«Печально», – думает Юхан. Тем не менее он рад, что в эту пятницу все-таки что-то произошло. Они не успели доехать до Несшё, куда направлялись к родителям жены, когда позвонил Свен Шёман, рассказал, что случилось, и поинтересовался, не сможет ли Юхан приехать.

«Я буду через час-два», – ответил Якобссон.

Жена пришла в ярость, и он не мог ее в этом винить. Скрепя сердце она отвезла его в Скугсо, а потом одна, с детьми, повернула обратно, в сторону Несшё.

Но даже вся эта бумажная работа, ожидающая их, в сотни раз веселее общения со стариками. Им всегда есть что сказать по любому вопросу, в частности о семейной жизни. Гораздо больше, чем под силу выслушать Якобссону.

Каждый должен заниматься своим делом, так гораздо лучше.

Бумаги в папках и документы на жестких дисках рассказывают о тех случаях, когда люди делали не то, что должны, – по крайней мере, в этом Юхан уверен. Какого дерьма здесь только не найдешь! На какое дерьмо только не выйдешь через эти бумаги! А может, они ничего и не найдут. Ведь иметь сомнительную репутацию не противоречит закону.

Папки помечены датами, в некоторых случаях именами. Они просмотрели лишь несколько из них. Йерри Петерссон был, похоже, аккуратный человек, каждый документ на своем месте. Это не уменьшает объема работы Юхана и Вальдемара Экенберга, хотя и несколько упрощает ее.

Имена на папках неизвестны Юхану, кроме одного: Гольдман. Манящая тень, кажется, больше из области фантастики, хотя этот человек и существует в действительности. Форс звонила, говорила о связи Петерссона с Гольдманом, а теперь папка с его именем лежит на столе перед Юханом. Как минимум тридцать документов, испещренных цифрами – своеобразными символами алчности.

Голос у Малин грубоватый, какой бывает от алкоголя, немного усталый и печальный. С каждым днем она выглядит все более измотанной, и Юхан хочет спросить ее, как она себя чувствует. Но Малин Форс не из тех, с кем можно болтать об эмоциональных переживаниях.

Дверь открывается с сердитым скрипом. В проеме стоит Вальдемар, отягощенный двумя коробками. В них папки с бумагами и жесткие диски.

«То, что мне сейчас надо», – думает Юхан, но Вальдемар воспринимает эту работу как наказание. Вероятно, в какой-то степени так оно и есть: Свен хочет держать этого печально известного безумца под контролем. Слухи верны: Якобссон сам не раз видел, как Вальдемар вытягивает из людей информацию. Однажды он прижал пистолет к шее одного подозреваемого, чтобы добиться от него правды или того, что полицейский считал правдой. Иногда это работает, но только в краткосрочной перспективе. В конце концов насилие всегда кусает себя за хвост.

Вальдемар небрежно бросает коробки в угол комнаты и распрямляет спину. Он фыркает и пыхтит, бормочет что-то насчет того, что ему нужна сигарета. Потом садится за стол, и Юхан видит, как неудобная прорезиненная обивка стула прогибается под спиной коллеги.

– Черт, что за дерьмо на нас спихнули!

– Если нам повезет, всплывет что-нибудь, с чего мы, по крайней мере, могли бы начать, – отвечает Якобссон.

Он вспоминает, как прибирался в квартире своих родителей четыре года назад, когда умер отец, всего лишь через несколько месяцев после матери. Как рылся в бумагах, искал что-нибудь, из чего можно было бы извлечь деньги: ценные банковские бумаги или выигрышный лотерейный билет – единственный способ для его родителей получить более-менее существенную сумму. Но ничего такого он не находил. И ему было стыдно.

– Ты веришь в это? – спрашивает Вальдемар.

– Нет.

– Что же указывает на то, что этот Петерссон был таким негодяем? Был ли он связан с преступным миром города? Надо навести справки. Я мог бы выйти и переговорить кое с кем.

– Сейчас сосредоточимся на бумагах, – устало отвечает Юхан.

Вальдемар вытаскивает пачку сигарет из кармана пиджака и протягивает Юхану.

– Хочешь? Ты не против, если я закурю?

Комната наполняется тошнотворным табачным дымом.

В здании полицейского участка курить запрещено, но Якобссон не может сказать «нет», не хочет выглядеть неженкой со слабыми легкими в глазах настоящего парня.

«Почему меня должно заботить, что он обо мне подумает?» – спрашивает себя Юхан.

Тем не менее его это заботит.

Они рассеянно пролистывают бумаги. Юхан потребовал несколько дополнительных мониторов и клавиатур, чтобы читать документы с жестких дисков Петерссона здесь, в комнате.

С чего начать? Ни малейшего понятия. И Вальдемар высказывает вслух его собственную мысль:

– Чертовски много работы. Нам нужна помощь. И потом, там будет информация по финансам, в которых я, честно говоря, ничего не смыслю. А ты?

Юхан качает головой:

– Немного.

– Нам нужен кто-нибудь из отдела экономических преступлений.

– А еще лучше для начала как следует поискать в Интернете. Не найдем ли мы там чего-нибудь подозрительного? В том числе и касающегося его отношений с Гольдманом.

Вальдемар роняет черную папку на пол, ругнувшись, поднимает ее и кладет высоко на полку.

«Бумаги, бумаги, бумаги», – думает Юхан.

Жизнь бизнес-юриста, адвоката, производителя бумаг. И скрытого преступника? Нельзя, имея таких знакомых, как Гольдман, самому оставаться чистым. Или все-таки можно?

В Гугле имя Йерри Петерссона упоминается 1 278 989 раз. Положим, в тысяче случаев речь идет о *том самом* Йерри Петерссоне. Несколько раз встречается и название его фирмы в Стокгольме – АО «Адвокатская контора Петерссона».

Юхан просматривает последние годовые отчеты. Похоже, юрист работал один, никого не нанимал, даже секретаря. Правда, были аудиторы, с которыми он даже не встречался. И никакой отчетности после того, как он купил замок. Только бумаги, подтверждающие то, что деятельность фирмы прекращена. В то же время он открывает новую фирму, «Ром продакшнс», чтобы развивать Скугсо. Бегло просматривая документы, Юхан не нашел в них ничего подозрительного, при всей своей неосведомленности в теме финансовой отчетности.

«И все-таки довольно много упоминаний», – думает он, стараясь не обращать внимания на тяжелый кофейно-табачный запах, распространяемый коллегой, наклонившимся прямо к его уху.

Теперь они сидят за столом Юхана в общем офисном помещении, работать в закрытой комнате стало невыносимо.

Множество раз под именем Йерри Петерссона упоминается семнадцатилетний игрок в гольф из города Арбуги.

Часто имя Петерссона встречается рядом с именем Гольдмана: в статьях в «Дагенс индастри», «Веканс афферер», «Сверье дагенс нэрингслив»[27]. Такое впечатление, что Петерссон был доверенным лицом Гольдмана, пока тот жил за границей, посредником в его контактах с властью и СМИ.

В нескольких случаях речь идет о деловых контактах. Но никаких сенсационных историй, только скучные, на первый взгляд совершенно нормальные, торговые соглашения.

И вот имя Йерри Петерссона всплывает в связи с неким компьютерным предприятием, проданным фирме «Майкрософт» в начале 2002 года. Петерссон был, по-видимому, одним из инвесторов этого предприятия и от продажи должен был получить двести пятьдесят миллионов крон.

Юхан присвистнул.

– Вот дьявол! – вздыхает Вальдемар.

«Работа бизнес-юриста сделала тебя денежным мешком, – думает Юхан. – Но, черт возьми, после этой сделки ты стал просто неприлично богат!»

Они читают о компании.

Ничего такого, что указывало бы на раскол. На первый взгляд все вполне корректно. Ничего подозрительного, просто масса новоиспеченных счастливых мультимиллионеров.

И вот снова Гольдман.

Если верить статье, написанной в этом году, в то время, когда истек срок давности преступления Гольдмана, он проживал на Тенерифе. К статье прилагаются фотографии дородного, чем-то похожего на жабу мужчины с темными волосами и в солнцезащитных очках. Мужчина сидит за рулем большого спортивного катера в залитой солнцем гавани.

– Вот с чего мы должны начать, – говорит Юхан.

– Так мы и сделаем, – соглашается Вальдемар. – Однако не мешало бы и порасспросить моих знакомых.

Свен Шёман меряет шагами свой кабинет. Вероятно, в таких случаях ему не хватает его большого живота, надежной круглой опоры для сложенных в замок рук, помогающей думать. Вместо него под бежевой рубашкой и пестрым коричневым пиджаком пустота.

Карим Акбар стоит возле своего письменного стола. Он только что звонил в Стокгольм и просил помощи у экономического отдела.

Пресс-конференция через двадцать минут.

Только что они получили предварительный отчет от Карин. Вскрытие тела Йерри Петерссона показало, что он умер от удара по затылку тупым предметом, возможно камнем. Ножевые ранения, всего около сорока, были нанесены, скорее всего, после его смерти либо потери сознания от удара по голове. В легких нет воды, а значит, он точно был мертв, когда попал в ров. По состоянию трупа можно предположить, что смерть наступила между четырьмя и половиной седьмого утра, он пролежал в воде не более четырех часов. Убийство – вот единственно возможное заключение. Преступник может быть как мужчиной, так и женщиной. Раны доста-

[27] Центральные шведские экономические газеты.

точно глубокие, но не настолько, чтобы их не могла нанести женщина. Судя по направлению ударов, убийца правша.

Осмотр автомобиля Петерссона еще не закончен, но на склоне замкового холма ничего найти не удалось: дождь уничтожил все возможные доказательства.

В самом замке тысячи различных отпечатков пальцев. Многим из них, вероятно, десятки лет, но нет ничего, что указывало бы на преступление. Имущество жертвы как будто нетронуто. Никаких свидетельств убийства с целью ограбления. В часовне и прочих замковых строениях все так же чисто.

Нужно искать орудие убийства, а для этого лучше всего освободить ров от воды. Водолазы ничего не смогли найти в донном иле. Свен подумал было о рыбках, но понял, что ими придется пожертвовать.

– Что будем говорить журналистам? – Свен смотрит на Карима.

– Говори как есть, не вдаваясь в детали.

– А связь с Гольдманом?

– Об этом они уже знают, есть на сайте «Коррен». Здесь четвертый канал, национальное телевидение. Многие ждут. Чертова суматоха!

Свен вспоминает лицо Малин Форс. В замке она выглядела измотанной как никогда. Красная, опухшая, почти старая. Как будто пила всю ночь. Или что-нибудь случилось с Туве? Она винит себя в том, что произошло прошлой осенью в Финспонге. А может, здесь дело в ее отношениях с Янне? Похоже, там не все ладится.

«Что за черт? – думает Шёман. – Откуда у меня такое чувство, что самое страшное еще впереди?»

16

Бёрье Сверд стоит под дождем в саду возле своего дома в районе Торнхаген, на нем плащ василькового цвета. Малин видит из машины, как он поднимает руку и бросает палку между яблонями в сторону выкрашенной красной краской псарни. Две овчарки с красивым, лоснящимся от влаги мехом бросаются за палкой, играют, отнимая ее друг у друга и обнажая ряды острых зубов. Бёрье высок, кончики его навощенных усов опущены книзу.

Харри останавливает машину у ворот рядом с голубым больничным автомобилем. Бигль Йерри Петерссона вскакивает с заднего сиденья и молча смотрит на собак в саду. Бёрье видит Малин и Харри, кивает им в знак приветствия, но не трогается с места.

Маленький одноэтажный дом, выкрашенный в белый цвет, выглядит ухоженным. Жена Бёрье Анна следит за этим, хотя она настолько слаба, что уже не может дышать самостоятельно. Болезнь поразила нервные волокна в легких, теперь пятидесятилетняя Анна живет только благодаря аппарату искусственного дыхания.

Собаку Петерссона они оставляют в машине. Лишь только открывают калитку, как овчарки устремляются в их сторону, но не для того чтобы наброситься, а чтобы поприветствовать. Обнюхивают, лижут, а потом возвращаются обратно в сад, не обратив никакого внимания на бигля на заднем сиденье автомобиля.

Харри и Малин направляются к Бёрье и жмут его мокрую руку.

– Как вы? – интересуется Харри.

Бёрье качает головой, глядя в сторону дома.

– Никому не пожелаю того, через что она прошла.

– Так плохо? – спрашивает Малин.

– Сейчас о ней заботятся медсестры, они приезжают четыре раза в сутки. В остальное время мы выкручиваемся сами.

– Как ты думаешь, захочет ли она после их ухода повидаться с нами?

– Нет, – отвечает Бёрье. – Думаю, сейчас ей в тягость даже мое общество. Я вижу, у вас в машине собака. Вряд ли твоя, Форс.

Малин рассказывает обо всем, что случилось, и чья это собака; спрашивает Бёрье, не мог бы он приютить ее на некоторое время, пока не найдется какой-нибудь родственник Петерссона или кто-нибудь еще, кто захотел бы взять ее себе.

Бёрье улыбается. Улыбка медленно растекается по его лицу, словно разгоняя выражение усталости и скорби.

– Сука?

– Нет, кобель, – отвечает Харри.

– Ну, тогда все в порядке, – говорит Бёрье, направляясь к машине, а собака прыгает на заднем сиденье. Минуту спустя она уже стоит, словно навытяжку, рядом с Бёрье, а овчарки обнюхивают ее со всех сторон.

– Похоже, она чувствует себя здесь как дома, – замечает Малин. – Все оказалось просто.

– Работайте, я позабочусь о собаке. Как его зовут?

– Неизвестно, – отвечает Малин. – Может, будешь звать его Йерри?

– Это может сбить его с толку, – возражает Бёрье.

– Ну, мы поехали дальше, – говорит Харри.

Бёрье кивает.

– Спасибо, что заглянули.

– Удачи, – Малин поворачивается, чтобы уйти.

Звонок раздался в четверть третьего, когда Малин и Харри парковали машину на старой автобусной стоянке. Собственно говоря, от стоянки здесь осталось не так много, теперь это место парковки, окруженное домами самых разных эпох: уродливыми лачугами постройки шестидесятых годов с фасадами, обитыми листовым железом, ухоженными строениями рубежа XIX–XX веков со скелетообразными черными деревьями на заднем плане.

Сейчас они с Харри неподалеку от квартиры родителей Малин. В этих мокрых, сырых комнатах вот уже столько лет никто не живет, тем не менее квартира многого требует. Зачем же родители сохраняют ее? Чтобы мама могла говорить своим подругам на Тенерифе, что у них есть квартира в городе? «Их лица начинают стираться из моей памяти, – думает Малин, когда раздается второй сигнал. – Мамины узкие щеки и острый нос, папины морщинки вокруг глаз и удивительно гладкий лоб. Их молчаливая любовь, что-то вроде соглашения. Как у нас с Янне? Забытая любовь, оставленная где-то на задворках памяти, в комнате, которую мы так и не удосужились запереть».

Они думают, что цветы еще не засохли. Ни одного чертова цветка не осталось в живых. Чего же они хотели, если не были дома вот уже более двух лет?

Малин выуживает телефон в кармане куртки из гортекса. Слушает, как дождь стучит по крыше автомобиля, Харри ждет рядом.

На дисплее номер Туве. Что мне сказать ей? Будет ли она огорчена, напугана? Как поговорить с ней, чтобы Харри ничего не понял?

Он все равно поймет, потому что слишком хорошо меня знает.

– Привет, Туве, я знаю, что ты звонила.

В трубке тишина.

– Я знаю, вчера все закончилось так странно, я должна была перезвонить. Но у нас здесь кое-что случилось, пришлось поработать. Папы там нет?

«Я его ударила, я ударила его», – мысленно повторяет про себя Малин.

– Я в школе, – наконец отвечает дочь. Она не огорчена и не напугана, голос звучит почти сердито. – Если ты хочешь поговорить с папой, позвони ему.

– Разумеется, ты в школе. И я могу позвонить ему, если захочу поговорить. Но если ты сегодня вечером приедешь в город, мы вместе поужинаем, хорошо?

Туве вздыхает.

– Я поеду домой, к папе.

– Ну тогда поезжай к папе.

– Да.

Туве опять замолкает. Похоже, она хочет что-то спросить, но что?

– Делай как хочешь, Туве, – соглашается Малин и понимает, что именно этого ей сейчас не стоило говорить. Нужно было сказать что-нибудь вроде: все образуется, я заберу тебя из школы, я хочу крепко обнять тебя, я буду другой, как ты себя чувствуешь, любимая дочь?

– Как ты, мама?

– Как я?

– Ладно. Заканчиваем. Сейчас у меня урок.

– О’кей, пока. Созвонимся позже. Целую.

Дождь стучит по крыше.

Харри смотрит на нее с сочувствием. Он все знает. Почти.

– Ты опять живешь в городе? Я догадался, когда забирал тебя сегодня утром.

– Приятно было вернуться домой.

– Не будь так строга к себе, Малин. Мы всего лишь люди.

Туве заканчивает разговор и оглядывает своих одноклассников, носящихся взад-вперед по коридору школы «Фолькунгаскулан». Она смотрит на высокие потолки и арочные

окна, через которые из внешнего, затопленного дождем мира проникает тусклый свет. Какими маленькими и беззащитными кажутся ученики на их фоне!

Ах, мама…

Конечно, она должна была перезвонить. А о возвращении домой, к нам, она, похоже, вообще не думает. И вот злоба снова разрастается у девочки под сердцем и становится невыносимой. Мама говорила коротко и деловито, было ясно, что она хочет объясниться как можно скорее, она даже не спросила, как я себя чувствую, зачем я вообще звонила. Просто она опять хочет пить свой проклятый спирт.

Я знаю, зачем я звонила.

Я хотела, чтобы она вернулась домой, чтобы мы стояли с ней на кухне, обнимались, и я смотрела на нее.

Хватит думать об этом, Туве.

С досады она бьет себя мобильником по голове.

Хватит об этом думать.

Метрах в двадцати от нее трое рослых парней окружили маленького толстого мальчика. Туве знает, кто он. Иракец, с трудом понимающий по-шведски, и этим троим нравится его донимать. Проклятые трусы!

Ей хочется подбежать к ним и сказать, чтобы прекратили. Но они такие большие, намного больше ее самой.

В голосе мамы слышалось разочарование, когда Туве сказала, что собирается к папе. А ведь она надеялась, что и мама тоже приедет туда, хотя в глубине души знала, что так не бывает в мире взрослых, что там все страшно запутано.

А теперь парни бьют мальчика, которого зовут Аббас.

Туве кладет ручку и записную книжку на пол перед своим шкафчиком и протискивается сквозь толпу школьников к трем хулиганам. Она толкает самого длинного из них кулаком в спину и кричит: «Нашли бы вы лучше кого-нибудь другого, более подходящего вам по росту!» Аббас плачет, Туве видит это, а удивленные глупые верзилы пятятся и в страхе глазеют на нее. «Исчезните!» – кричит она, а они смотрят на нее, как на опасное животное. И тут Туве понимает, чего именно испугались парни. Они, конечно, знают о том, что случилось в Финспонге, что она пережила, и это заставляет их питать к ней уважение.

«Трусы», – думает она, обнимая Аббаса. Он маленький и мягкий. Туве представляет на его месте свою маму, которой, чтобы утешиться, достаточно ее объятий и заверений в том, что все будет хорошо.

«Квартира Акселя Фогельшё поражает роскошью, если говорить языком агентов по недвижимости, – думает Малин. – Однако все это – лишь жалкий отблеск великолепия замка Скугсо».

Один вид панелей и лоснящихся толстых ковров с замысловатым восточным узором вызывает в ней новый приступ головной боли. Настоящие и дорогие, совсем не похожие на те, с аукционов, что лежали на полу в квартире ее родителей. Потертая кожа кресел мерцает в свете хрустальных люстр и канделябров.

Перед Форс в кожаном кресле сидит мужчина с почти докуренной сигаретой в правой руке.

«Ему около семидесяти, – замечает про себя Малин, – и он правша».

Старик – само достоинство. Форс пытается вести себя спокойно, а не напрягаться, занимая оборонительную позицию, как всегда, когда ей приходится иметь дело с людьми, стоящими выше ее на социальной лестнице. Ничего не изменилось. Возможно, социал-демократам и удалось создать некую видимость равенства в этой стране, но это лишь тонкая, прозрачная и фальшивая оболочка.

Над панелями в ряд висят портреты предков Акселя Фогельшё. Властные лица, орлиные взоры. Много военных. «Все здесь свидетельствует о том, что Аксель Фогельшё осознает свое превосходство над всеми нами, остальными. Или это только мое предубеждение?» – думает Малин.

И в Швеции начала третьего тысячелетия по-прежнему чувствуется сословное неравенство. Может, даже большее, чем когда бы то ни было, поскольку якобы существует политическая воля всех уравнять. Но чего стоят эти усилия, если у бедняка не прибавится денег?

Они повторяют, что у всех у нас одинаково голубая кровь, что всем нам одинаково хорошо. Так часто, что это звучит как истина. При этом люди с деньгами все богатеют, несмотря ни на какие кризисы.

«И все наше общество пронизано этой ложью, – думает Малин. – И поэтому у человека возникает чувство, что он обманут, отвержен, что им пренебрегают. Вот и я, вероятно, в глубине души тоже ощущаю, что меня топчут ногами, а я того не замечаю.

Я лишена права голоса от рождения. А тот, кого лишили возможности говорить или не желают слушать, может прибегнуть к насилию. Я видела такое тысячу раз».

Малин смотрит на портреты на стенах гостиной Акселя Фогельшё, а потом на самого графа, дородного и краснощекого, с самодовольной, высокомерной улыбкой на лице.

Есть деньги новых богачей, вроде Петерссона, и старых, вроде Фогельшё. В чем между ними разница, собственно говоря? И что значат наследственные привилегии в современном обществе?

– Было очень мило с вашей стороны согласиться встретиться с нами, – говорит Малин, устраиваясь в невероятно удобном кожаном кресле.

Аксель Фогельшё тушит свою сигарету, его улыбка непритворно радушна.

«Он желает нам только добра, – думает Форс. – И со всеми своими привилегиями может себе это позволить».

– Разумеется, я согласился. Я знаю, зачем вы здесь. Когда услышал по радио о Петерссоне, понял, что ваш визит только вопрос времени.

Харри сидит рядом с Малин. Он собран. Даже на него подействовала естественная уверенность в себе старого графа.

– Да, у нас есть основания полагать, что он был убит. Поэтому по вполне понятным причинам мы хотели бы кое о чем вас расспросить.

– К вашим услугам.

Аксель Фогельшё наклоняется вперед, словно для того, чтобы продемонстрировать свою заинтересованность.

– Во-первых, – начинает Малин, – что вы делали сегодня ночью и рано утром?

– Вчера вечером я был у своей дочери Катарины, мы пили чай. Около десяти я ушел домой.

– А потом?

– Был дома, если это можно так назвать.

– Кто-нибудь может это подтвердить?

– С тех пор как умерла моя жена, я живу один.

– Ходят слухи, – говорит Харри, – что ваша семья обанкротилась и именно поэтому вы были вынуждены продать Скугсо Петерссону.

– И кто же распускает эти слухи?

Взгляд Акселя Фогельшё озаряется внезапной злобой, которую он тут же берет под контроль. «Плохая идея утаивать то, что известно всем», – замечает про себя Малин.

– Этого я сказать не могу, – отвечает Харри на вопрос графа.

– Пустые сплетни, – продолжает Аксель. – То, что написано в «Коррен», – вздор. Мы продали замок, потому что пришло время, он уже сыграл свою роль нашего родового гнезда.

Настала новая эпоха, и прежний стиль жизни отстал от времени. Фредрик работает в Эстгётабанке, Катарина интересуется искусством – они не хотят заниматься сельским хозяйством.

«Ты лжешь», – думает Малин и вдруг вспоминает недавний разговор с Туве. Ей становится не по себе оттого, что она так холодно говорила с дочерью, не смогла преодолеть себя и так и не сказала того, что действительно было нужно. Как ты могла, Форс? Как так можно?

– То есть все прошло спокойно? – переспрашивает она Фогельшё. – И никаких проблем?

Граф продолжает, не обращая внимания на ее вопрос:

– Я никогда не встречался с Петерссоном в связи с продажей Скугсо, этим делом занимались адвокаты. Но у меня сложилось впечатление, что он из тех нуворишей, которым непременно надо жить в замке. Вероятно, он и понятия не имел, сколько это требует усилий, даже если ты достаточно богат, чтобы нанимать рабочих.

– Сколько он заплатил?

– Этого я сказать не могу.

Аксель Фогельшё улыбается, и Малин пытается понять, передразнивает ли он Харри, повторяя его фразу.

– Не понимаю, какое значение может иметь эта сумма для вашего расследования?

Малин кивает. Если потребуется, размер суммы всегда можно будет установить.

– Вы переписали имущество на своего сына?

– Нет, владельцем замка оставался я.

– Должно быть, эта сделка далась вам нелегко? – спрашивает Малин. – Ведь в Скугсо столетиями жили ваши предки.

– Пришло время, инспектор Форс. Вот и все.

– А ваши дети? Они сильно переживали?

– Вовсе нет. Они всегда рады деньгам. Я пытался приучить их к замку, но у меня ничего не вышло.

– Приучить?

– Да, хотел, чтобы кто-нибудь из них занимался Скугсо. Но им это не интересно.

– Вам здесь хорошо? – интересуется Харри, оглядывая комнату.

– Да, вполне. Я переехал сюда после того, как продал поместье. Мне здесь настолько хорошо, что я предпочел бы, чтобы сейчас меня оставили в покое, если у вас больше нет ко мне вопросов.

– Какая у вас машина?

– У меня их две. Черный «Мерседес» и красная «Тойота».

– Пока все, – Харри поднимается. – Вы не знаете, где мы могли бы найти ваших детей?

– Полагаю, у вас есть их телефоны. Позвоните им. Я понятия не имею, где они могут быть.

В прихожей Малин обращает внимание на черные резиновые сапоги, испачканные мокрой, все еще не подсохшей землей.

– Вы были в лесу? – спрашивает она Акселя Фогельшё, провожающего их до дверей.

– Нет, внизу, в парке Общества садоводов. Там сейчас такая грязь…

Лишь только успевает захлопнуться входная дверь, как Аксель Фогельшё через буфет спешит на кухню, поднимает трубку и набирает номер, который ему не без труда удается вспомнить. Ждет ответа.

Он думает о тех указаниях, которые собирается дать. Все должно быть предельно ясно, чтобы дети поняли. «Беттина, – думает он, – я хотел бы, чтобы сейчас ты была здесь. Мы могли бы действовать вместе».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.